

ЯРОСЛАВ ДАШКЕВИЧ

КТО ОНИ—«АРМЯНО-КЫПЧАКИ» ?

(Об этносе создателей армяно-кыпчакских рукописей XVI—XVII вв.)

Насчитывающая по крайней мере девять столетий история армянских колоний в Украине привлекала и привлекает многочисленных исследователей. В этом нет ничего удивительного. Армяне Украины создали свои формы национального существования, свою высокую культуру. Они играли заметную роль в экономической жизни страны, способствовали установлению разнообразных контактов между Востоком и Западом. В тяжелые времена упадка закавказской метрополии армяне Украины сохранили культурные традиции родины на землях страны, превратившейся в убежище.

Исследователи прошлого армянских колоний на Украине располагают благоприятными условиями для своих штудий. Большие залежи архивных и других рукописных источников, значительная по объему и разнообразию литература, сохранившиеся памятники материальной культуры становятся основой для плодотворных поисков и исследований. Наличие большого «резервного фонда» неиспользованных или слабоиспользованных источников является залогом эффективных исследований, которые сулят неожиданные открытия.

Притягивает исследователей письменная культура армянских колоний средневековой Украины и Польши. Наряду с великолепными иллюминированными рукописями объектом изучения становятся простые бесхитrostные архивные записи, освещающие повседневный быт экспатриантов. Давно уже известно, что особую группу источников, создаваемых на различных языках (армянском, латинском, украинском, польском), составляют рукописи и документы на тюркском (называемом в прошлом современниками преимущественно татарским или реже турецким—в смысле тюркского) языка армянской графикой. То, что армяне Северного Причерноморья и прилегающих территорий употребляли в качестве разговорного тюркский язык, не являлось секретом—об этом свидетельствуют многочисленные высказывания ряда авторов, начиная с XV в.

В самом факте употребления чужого языка в качестве разговорного нет ничего особенного, если учитывать те тяжелые условия в которых ощутился армянский народ под гнетом иностранных поработите-

лей или же в эмиграции, в диаспоре. Подобные явления известны из этнической истории других—восточных и западных—народов. Явление, несомненно, интересное с точки зрения именно этнической истории, этно— и социолингвистики—тем более, что оно сопровождалось сохранением высокого уровня национального самосознания, препятствовавшего этнической ассимиляции армян, очутившихся в инонациональной среде.

В случае с армянами—тюркофонами Украины (точнее—кыпчакофонами от названия группы кыпчакских языков, в состав которых входят татарский, крымскотатарский, казахский, киргизский, башкирский, каракалпакский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский, караимский языки) особый интерес представляет большое письменное наследие этого «кыпчакофонического» эпизода в этнической истории армянского народа: архивная документация, оригинальные и переводные сочинения, эпиграфические памятники. Письменность, за которой уже закрепилось название армяно-кыпчакской, притягивает внимание с различных точек зрения. Ведь созданные на ней письменные памятники это не только важные исторические источники изучения прошлого армянских колоний в XVI—XVII в., но и ценные лингвистические источники. Для периода XVI—XVII вв. для всей территории Восточной Европы сохранилось мало письменных памятников тюркских народов-кыпчакофонов. Письменные памятники многих народов или не сохранились, или сохранились в столь малом количестве, что взятые все вместе составляют незначительную долю по сравнению в тысячами страниц убористых армяно-кыпчакских текстов, дошедших до нашего времени и хранимых во многих библиотеках и архивах как в СССР, так и за его пределами. Привлекает исследователей и то обстоятельство, что армяно-кыпчакские тексты записаны армянской графикой, более точно передающей фонетику тюркской речи, чем арабская или еврейская.

Все эти положительные для тюркологии стороны армяно-кыпчакского письменного наследия раскрылись не сразу. Более интенсивное изучение памятников ведется только на протяжении последних двадцати-тридцати лет.¹ Уже первые шаги современного армяно-кыпчакведения предвещали интересные открытия для тюркологов. Оказалось, что армяно-кыпчакский язык является одной из следующих ступеней в развитии того кыпчакского—по групповому названию (а по существу, татарского) языка, который зафиксирован в памятнике, известном под несколько дезориентирующим названием «Codex Cumanicus», а также, что армяно-кыпчакский язык близок к языку древнейших памятников караимского языка.

¹ См. Дашкевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык. Библиография литературы 1802—1977. Rocznik Orientalistyczny (в дальнейшем RO). Warszawa, 1979, т. 40, zesz. 2, s. 79—86. Ограниченные объемом работы, чтобы не повторять фактический материал, в ряде случаев мы даем сноски на наши ранее опубликованные работы.

1. Открытие «армяно-кыпчаков»

Начиная с 1973 г. библиография армяно-кыпчаковедения начала быстро расти за счет работ киевского языковеда А. Н. Гаркавца, посвятившего исследованию армяно-кыпчакского языка кандидатскую диссертацию на узкую тему «Конвергентная эволюция армяно-кыпчакского языка в условиях субординативного славянско-кыпчакского двуязычия его носителей в г. Каменце-Подольском XVI—XVII вв.» (диссертация защищена в 1975 г.). Объектом исследования был избран язык в его актовом варианте. Им оказался кыпчакский (по групповому названию) в своей основе язык в стадии далеко зашедшего распада, вызванного влиянием окружающей славянской (украинской и польской) среды. Деструктивные явления пронизывали все его стороны: морфологию, лексику, фразеологию, синтаксис. На таком материале диссертант изучал, однако, не только конвергентную эволюцию языка. Он считал прэбомерным делать из этого сложного материала выводы, называемые им этногенетическими, т. е. касаться вопроса об этническом происхождении т. наз. носителей субординативного славянско-кыпчакского двуязычия в г. Каменце-Подольском и других армянских колониях на Украине. Его выводы оказались довольно-таки неожиданными и даже сенсационными с точки зрения этнической истории армянского народа. Гаркавец просто перечеркнул многовековую историю армянских колоний, объявив: никаких армян там не было, все это половцы-кыпчаки.

Вывод нужно сказать сногшибательный. Выходит, столетиями ошибались все, даже самые близкие к «носителям субординативного славянско-кыпчакского двуязычия» люди: они не сумели разглядеть их этническую сущность,—оказывается, не армянскую, а тюркскую, кыпчакскую—не сумели увидеть, что имеют дело не с армянами, а с половцами, недавними кочевниками, которые в городах Украины преобразовались в мирных купцов, занимающихся, правда, не очень приятным делом—«спекулятивной и транзитной торговлей»². Ничтоже сумняшеся, Гаркавец объявил, что до него характерно было «бытование в смежных с языкознанием областях науки ложных представлений о происхождении армяно-кыпчаков и их языка»³. Говоря проще, ложными являлись представления всех тех, кто армян Украины и Польши считал теми, кем и считали они себя сами—т. е. армянами.

Для того чтоб избежать обвинений в неточном или искаженном представлении этногенетических открытий Гаркавца, мы постараемся

² Гаркавец А. Н. Конвергентная эволюция армяно-кыпчакского языка в условиях субординативного славянско-кыпчакского двуязычия его носителей в г. Каменце-Подольском XVI—XVII вв. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. М., 1975, с. 9, 27.

³ Там же, с. 6.

изложить их с достаточной полнотой. Только с этой целью приводятся иногда длинноватые цитаты.

Уже в первом печатном выступлении (1973 г.) Гаркавец обрисовал следующую картину: «После захвата столицы Багратидов, города Ани, византийцами в 1045 г., а сельджуками в 1064 г. началось массовое переселение армян в страны европейского юго-востока. Эти эмигранты и образовали в XI в. первые очаги армянских поселений на Украине. Однако большая часть эмигрантов остановилась еще на Северном Кавказе попав в политическую зависимость от половцев, господствовавших на северном побережье Герак (так!—Я. Д.) и Каспийского морей, и ассимилировались там. После нашествия монголов, достигших этих областей в 1223 г., армяно-половцы ушли на Запад и слившись с ранее переселившимися туда группами, образовали самостоятельно управляющиеся колонии в крупнейших городах Подолья и Галиции—Каменец-Подольске, Львове, Луцке, Владимире и др. Именно армяно-половцам было суждено вплоть до XVIII века сохранить разговорный половецкий язык»⁴.

В несколько модифицированном виде делая упор не на Северный Кавказ, а на Крым, Гаркавец сообщил свои взгляды в 1974 г. Согласно его же тезисам, существует «предположение о принятии двумя группами кыпчаков-язычников Крыма христианства в греко-православном и армяно-григорианском обряде, а третьей группой кыпчаков, слившихся с остатками хазаров, караитского иудаизма, распространенного среди последних еще в IX в.» Наблюдалось «сохранение у остальных кыпчаков Крыма язычества имеющего, по предположению В. В. Бартольда, много общего с системой языческих верований татаро-монголов и постепенное их обращение в ислам, ставший господствующей религией при Узбек-хане (1313 г.)». По Гаркавцу, существовало «различение этих четырех групп кыпчаков исключительно по религии и, вследствие этого, установление за ними этнических названий, восходящих к названиям принятых религий: урум—ермени—карай—татар. Последнее—из-за дальнейшего сохранения язычества». Сохранялось «отсутствие религиозного фанатизма и нетерпения между группами». Эти утверждения (на которые Гаркавец в дальнейшем неоднократно ссылался) сообщались в таком виде, что сам, их автор, Гаркавец, здесь почти не причем, ведь костяком их являлось, будто бы, «основополагающее значение исследований В. В. Бартольда для решения вопроса об этногенезе армяно-греко-кыпчаков и караимов Крыма»⁵.

⁴ Гаркавец А. Н. «Документы на половецком языке XVI века», опубликованные Т. И. Груниным, как лингвистический источник.— В кн.: Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов (Ин-та востоковедения Акад. наук СССР). Тезисы докладов, М., 1973, с. 132.

⁵ Его же, В. В. Бартольд о вероисповедании у кыпчаков X—XIII вв. и проблема этногенеза армяно-греко-кыпчаков и караимов.— В кн.: Бартольдовские чтения 18—20 марта 1974 г. Изучение истории средневекового Востока В. В. Бартольдом и современное состояние науки. Тезисы докладов и сообщений, М., 1974, с. 19.

В дальнейшем Гаркавец посчитал, что в его диссертации «на основе фактов армяно-кыпчакского языка и исторических свидетельств выясняется этногенез армяно-кыпчаков и глоттогоническая история этой этно-лингвистической общности; доказывається что основную часть общины представляли собой потомки половцев, принявших армяно-григорианство в Крыму в XI—XIII вв.; что незначительное число армяно-кыпчаков происходило от армян, усвоивших половецкий язык, влившихся в половецкую массу в то же время в Крыму, что самую небольшую часть общины составляли армяногены и армянофоны, поселившиеся в Каменце-Подольском уже после сложения колонии. Кыпчакский язык, таким образом, был родным для абсолютного большинства представителей общины, что и обусловило периферийность арменизмов в лексике изучаемого кыпчакского языка и отсутствие их в грамматике»⁶. В данном месте Гаркавец ссылается на три статьи западноевропейских тюркологов (Г. Дёрфера, К. Г. Менгеса и Дж. Клоусона), взгляды которых, по мнению Гаркавца, совпадают с его личными.

Серия дальнейших цитат из статей Гаркавца может послужить уточнением его утверждений. «Армяно-кыпчаки (иначе армяно-половцы), в основном выходцы из Кафы, образовали в конце XV в. значительную колонию в г. Каменце-Подольском [...] Генетически—как в этническом, так и в языковом аспектах,—эта народность близка к половцам, крымским татарам, караимам, крымским урумам»⁷. В другом месте он пишет, что акты Каменец-подольского армяно-кыпчакского (так!) суда XVI в. и «Каменецкая хроника» «принадлежат той части кыпчаков, непосредственных потомков половцев, которые, обитая в XI—XIII вв. в Крыму, приняли христианство армяно-григорианского толка, а затем переселились в крупнейшие города Правобережной Украины [...] Колония армяно-кыпчаков пришла в упадок, а ее представители были ассимилированы местным украинским и польским населением. Тем не менее, армяно-кыпчаки Каменца-Подольского оставили около 15 тысяч архивных листов текстов самого различного содержания»⁸. Оказывается, «в XVI—XVI вв. на Правобережной и Западной Украине, в Молдавии и в Крыму существовало более 70-ти армяно-кыпчакских колоний»⁹.

⁶ Его же. Конвергентная эволюция... с. 8.

⁷ Его же. Славянские и латинские заимствования в кыпчакской деловой фразеологии. (На материалах судебных протоколов тюркоязычных армян из Каменца-Подольского XVI—XVII вв.).—Труды Самаркандского гос. ун-та, новая серия. Самарканд. 1975, вып. 288, с. 210.

⁸ Его же. Потеря продуктивности понудительной формы кыпчакского глагола, обусловленная славянским влиянием.—Известия Акад. наук Каз. ССР, Сер. филолог. Алма-Ата, 1975, № 6, с. 40.

⁹ Его же. Армяно-кыпчакские источники по средневековой Турции.—В кн.: История и филология Турции. Тезисы докладов и сообщений. Октябрь 1976 г. М., 1976, с. 12.

После таких основоположений Гаркавец пошел на явную фальсификацию, переводя этноним *Էրմենի* (*érméni*), встречающийся в армяно-кыпчакских текстах, просто как... армяно-кыпчак, армяно-кыпчакский. Так, например, фразу *revnyj kontrakt ermeni tuzlärindän utru zavartyj* из книги Армянского суда в Каменецк-Подольском за 1619—1621 гг. он, ничтоже сумняшеся, переводит как «определенный договор, составленный в отношении армяно-кыпчакских угодий»¹⁰.

В новейших своих работах Гаркавец пишет уже не как об этногенетическом предположении, а как о твердо установленном факте, что «изучаемый кыпчакский язык известен по армянописьменным памятникам XVI—XVII вв., составленным почти исключительно в Каменец-Подольском и Львове кыпчаками, именовавшими себя изредка хыпчах (автор не дает здесь ссылки на источник—Я. Д.), но главным образом *армені* армяне в соответствии с исповедуемой религией—армяно-григорианским христианством»¹¹ (здесь он ссылается на статью упомянутого уже выше Дж. Клоусона). Армянского языка они не знали, так как господствовало «кыпчакское одноязычие армяно-половцев до их переселения в славянскую среду»¹². Не так давно Гаркавец объявил все письменные памятники, созданные в армянских колониях на Украине, культурным достоянием армяно-кыпчаков. Оказывается, их письменное наследие охватывает не только армяно-кыпчакские тексты, но также другие «письменные памятники армяно-кыпчаков, составленные на армянском, польском, латинском, итальянском, немецком, еврейском и украинском языках»¹³. Для подкрепления своих выводов Гаркавец цитирует грамоту польского короля Яна I Ольбрахта 1496 г., в соответствии с которой «армян (о-кыпчак) ам¹⁴ позволяется судиться собственным правом перед своим войтом, не подчиняясь иной юрисдикции» (здесь Гаркавец ссылается на статью Г. С. Сизоненко).¹⁵

Наконец оказалось, что Гаркавец определил точную дату (965 год) принятия григорианского христианства «той частью кыпчаков

¹⁰ Егэ же. Уподобление армяно-кыпчакского глагольного имени на—*gan* славянскому причастию и его синтаксические последствия.—Советская тюркология. Баку, 1976, № 1, с. 37.

¹¹ Егэ же. Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI—XVII вв. К., 1979, с. 6.

¹² Там же, с. 91.

¹³ Егэ же. Армяно-кыпчакские письменные памятники XVI—XVII вв.—В кн.: Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 87.

¹⁴ Конъектура Гаркавца, который, по-видимому, считает данное место испорченным.

¹⁵ Гаркавец А. Н. Армяно-кыпчакские письменные памятники..., с. 82. Цитируется статья Сизоненко Г. С. Архивные материалы к истории армянской колонии во Львове.—В кн.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сборник материалов научной сессии. Ереван, 1961, с. 204—209. Упомянутая конъектура не принадлежит Сизоненко, так как в ее статье грамота 1496 г. вообще не упоминается.

Крыма, которые и в XVI—XVII вв. именуют себя, согласно вероисповеданию, эрмени»¹⁶.

На этом обзор высказываний Гаркавца можно закончить, подчеркивая, однако, одновременно, что все его работы насыщены такими терминами, как:

армяно-кыпчаки,
 армяно-половцы,
 армяно-кыпчаки армяно-григорианской веры,
 кыпчаки армяно-григориане,
 кыпчаки армяно-григорианского вероисповедания,
 армяно-кыпчакская колония,
 армяно-кыпчакская община,
 кыпчакско-армяно-григорианская община,
 гражданские и духовные органы армяно-кыпчакского самоуправления,
 официальные и частные (так!) организации армяно-кыпчаков
 и т. д.

II. Источниковая основа

Твердые и не допускающие возражений утверждения Гаркавца, сообщаемые, особенно в последних его работах, не в качестве гипотез, а «доказанных» фактов, вызывают вопрос о том, на основании каких источников, путем каких аналитических исследований их автор пришел к данным выводам? Этот вопрос тем более уместен, что история армянских колоний Украины — это не пустое место, а проблема, которой занимались сотни исследователей. Стоит указать, что перечень литературы за 1801—1972 гг. (т. е. до выступления Гаркавца) посвященной данной теме, включает, по нашим подсчетам, не менее 5900 названий. Если никто из многочисленных предшественников Гаркавца, большинство из которых занималось вопросами возникновения колоний, миграции их населения, не заметил армяно-кыпчаков, а сделал это впервые только Гаркавец тогда мы действительно на пороге большого открытия, а все предыдущие авторы распространяли только «ложные представления о происхождении армяно-кыпчаков и их языка» (заключение Гаркавца).

Источниковая база изучения прошлого армянских колоний на Украине в XII—XVII вв. (т. е. для периода, которым занимается Гаркавец) поистине большая. Только компактные источники в виде рукописных административных, судебных и финансовых книг — результатов делопроизводства многих колоний (среди них, в первую очередь, Львова и Каменца-Подольского, которым Гаркавец посвятил присталь-

¹⁶ Гаркавец А. И. Две новонайденные армяно-кыпчакские рукописи. — Тюркологический сборник (1977). М., 1981, с. 79.

ное внимание) охватывает не менее 90 томов с общим объемом (конечно приблизительно) 52800 стр¹⁷. Отдельных документов, изданных в XIV—XVII вв. для армян Украины (как для общин, так и для отдельных лиц)—в нашей далеко не полной картотеке—учтено 4200. А кроме этого, еще армянские и армяно-кыпчакские рукописи, созданные на Украине, источники мемуарного и историографического типа¹⁸, эпиграфические и эпиграфические памятники, иконографический и картографический материал, материал археологических раскопок и другие памятники материальной культуры.

Где именно, в каких источниках нашел Гаркавец основания для того, чтоб исследовать страницы своих работ армяно-половцами и армяно-кыпчаками?

Подведем итоги рассуждений Гаркавца и попытаемся сопоставить их с источниками, на которые он ссылается или должен сослаться.

Итак, по Гаркавцу, в XI—XIII вв. в Крыму половцы (или кыпчаки), очутившись в положении, что им нужно выбрать какую-то религию, частично приняли караимство, частично православие и частично григорианство. В соответствии с этим они переименовали себя в караимов, греков и армян. Та часть половцев, которая решила сохранить язычество, начала именовать себя татарами. Все четыре группы половцев не были религиозными фанатиками, а поддерживали между собой хорошие отношения. (Северокавказской «гипотезе» возникновения армяно-половцев мы не уделяем внимания, так как сам ее автор, увидев полную ее несостоятельность, от нее отказался). Потом половцы григорианского вероисповедания начали переселяться на Правобережную и Западную Украину, в Молдавию, часть их осталась в Крыму—и на всей этой территории в XVI—XVII в. существовало более 70-ти колоний армяно-кыпчаков. Согласно грамотам польских королей— в частности, Яна I Ольбрахта 1496 г., в которой упоминаются армяно-кыпчаки—армяно-половецкие общины создали свои собственные армяно-кыпчакские гражданские и духовные органы, официальные и частные организации. Все эти учреждения назывались армяно-кыпчакскими,—например, Каменец Подольский армяно-кыпчакский суд. Сами армяно-половцы называли себя хыпчак (изредка) или ермені (гораздо чаще). Незначительную часть колоний составляли настоящие армяне, превратившиеся в армяно-половцев еще в Крыму или прибывшие в колонии уже после их основания. Но даже если сами поселенцы писали о себе, что они ермені

¹⁷ Дашевский Я. Р. Адміністративні, судові і фінансові книги на Україні в XIII—XVIII ст. (Проблематика, стан і методика дослідження).—Історичні джерела та їх використання, К., 1969, вип. 4, с. 129—170; Его же. Львовские армяно-кыпчакские документы XVI—XVII вв. как исторический источник.—*Պատմա-քրիստոնեական հանդես* (в дальнейшем *ՊԲՀ*). *Երևան*, 1977, № 2, с. 151—176.

¹⁸ Его же. Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков. (Историографический очерк). Ереван, 1962.

(‘армяне’), так в этот этноним они вкладывали понятие ‘армяно-кыпчаки’. Этим и вызвана необходимость переводить упомянутый этноним как ‘армяно-кыпчаки’, ‘армяно-кыпчакский’. Кыпчакский язык был родным для абсолютного большинства, например, каменецкой общины. Армяно-кыпчаки в дальнейшем были ассимилированы украинцами и поляками, но до этого они успели создать значительное письменное наследие, как на армяно-кыпчакском, так и на других языках. В него входят хроники (среди них и Каменецкая хроника), и актовый материал. Вообще же письменные памятники армяно-кыпчаков создавались также на армянском, польском, латинском, итальянском, немецком, еврейском, и украинском языках.

Следовало бы считать, что для того, чтоб прийти к таким веским выводам, Гаркавец должен был располагать сведениями, почерпнутыми из ценных источников, открытых им же самим (так как никто из его предшественников на них не натолкнулся). Приходится констатировать, что Гаркавец ни в одном случае не ссылается на источники, из которых он почерпнул—или на основании которых он сделал—все эти важные выводы. А не ссылается он не из ложной скромности. Просто подобных источников нет в природе. Они не существуют и не существовали никогда. Итак:

нет никаких сведений источников о том, что половцы в Крыму вдруг начали искать себе подходящие религии;

нет никаких сведений источников о том, что хотя бы один половец в Крыму принял григорианство;

нет никаких сведений о том, что хотя бы один половец в Крыму или на Украине начал называть себя армянином;

нет никаких сведений о том, что на Украине, в Молдавии и в Крыму когда-либо существовали колонии армяно-кыпчаков;

нет ни одного документа или другого письменного источника, в котором употреблялся бы этноним «армяно-кыпчаки». В грамоте Яна I Ольбрахта 1496 г. ни словом не упоминаются армяно-кыпчаки—его грамота предназначалась армянам Каменца-Подольского¹⁹.

не было ни одного гражданского или духовного органа, официальной или частной организации, которая носила бы название армяно-кыпчакской. Все те органы или организации, на которые указывает Гаркавец, носят название армянских²⁰;

нет ни одного случая употребления самоназвания кыпчах—в этом отношении Гаркавец сообщает заведомо неправдивые данные. Ермені в армяно-кыпчакских текстах это совсем не армяно-кыпчаки и армяно-кыпчакский, как, фальсифицируя перевод, пишет Гаркавец, а ‘армяне’,

¹⁹ Текст грамоты: Przędziecki A. Podole. Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów, t. 1. Wilno, 1841, s. 148–150. В грамоте пять раз упоминаются одни только армяне.

²⁰ См. Дашкевич Я. Р. Адміністративні, судові й фінансові книги... В статье приводятся оригинальные названия всех армянских учреждений.

‘армянский’. Армяно-кыпчакские уголья, которые Гаркавец обнаружил в армяно-кыпчакском тексте (см. выше), это в действительности топоним Армянские Хуторы (также Армянские фольварки)—местность, расположенная неподалеку от Каменца-Подольского²¹.

Громадное письменное, и вообще культурное наследие принадлежит не несуществующим армяно-кыпчакам, а армянам. В Крыму, на Украине, в Молдавии проживали не мифические армяно-половцы, а просто армяне.

Единственное соответствующее действительности утверждение во всем этом нагромождении выдумок состоит в том, что часть армян Украины употребляла в качестве разговорного армяно-кыпчакский язык и что в этом языке базовая лексика действительно кыпчакская, а часть периферической—армянская. Но и этот факт вовсе не открытие Гаркавца, а особенность, открытая до него. О реальных путях усвоения армяно-кыпчакского языка (засвидетельствованных источниками XV—XVII вв.) мы расскажем ниже.

Окончательный вывод об источниковой базе у Гаркавца может быть только один: источниковая основа всех его рассуждений равна нулю. Или же, может быть, все десятки тысяч страниц документов XV—XVII вв., на которых пишут об армянах на Украине—это несуществующий мираж? Или, может быть, десятки тысяч людей, на основании указаний которых в документах писали об армянах, просто были обмануты ловкими половцами, «занимавшимися спекулятивной и транзитной торговлей» (фраза Гаркавца)? Или, может быть, все, соприкасавшиеся с ними, сознательно писали об армянах, хотя знали, что они в действительности кыпчаки?

III. Предшественники

Справедливость требует признать, что Гаркавец не был первым—он не единственный писал о кочевниках, возможно принявших григорианство на Украине или в Крыму. Он был, однако, первым, столь рьяно защищавшим придуманный им же тезис об армяно-половцах как доказанный факт.

Первым, кто выдвинул мысль о возможной ассимиляции части татар, проживавших во Львове в XIII—XVI вв., львовскими армянами, был известный украинский историк, член-корреспондент Академии наук в Петербурге Д. И. Зубрицкий (1777—1862). Он обратил внимание на то, что татарская колония бесследно исчезла, и высказал мнение, что «эти татарские жители, от поры до времени принимая

²¹ Армянские Хуторы упоминаются, например, в грамоте Яна III Собеского 1658 г. для армянского магистрата Каменца-Подольского (см. Marczyński W. *Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gubernii podolskiej...*, t. 1, Wilno, 1820, s. 176). Армянские Фольварки—в документе Коменца-подольского магистрата 1787 г. (см. Архив Юго-Западной России, ч. 5, т. 1, К., 1869, с. 488—489).

христианскую веру, постепенно впитались в польское, украинское и армянское население города»²². Вопрос о татарской колонии во Львове не дождался решения. О высказывании Зубрицкого изредка вспоминают в литературе²³, однако с характерным для него игнорированием существующей литературы, оно осталось неизвестным.

Имя выдающегося русского востоковеда академика В. В. Бартольда (1869—1930), на которого ссылался Гаркавец в 1974 г., выдвигая в качестве своеобразного щита для своих построений, упоминалось им напрасно. Нигде Бартольд не писал о том, что половцы принимали григорианство и меняли свое этническое название на «армяне». В этом легко убедиться на основании девятитомного издания его «Сочинений» (Москва, 1963—1976) и обстоятельной библиографии²⁴.

Ссылки на статьи (точнее—рецензии) известных немецких тюркологов—Г. Дерфера и К. Г. Менгеса²⁵, имеющиеся в автореферате диссертации Гаркавца, беспредметны. Эти авторы вопроса об этносе армян-кыпчакофонов не касаются.

Гораздо более оправданы ссылки на статью английского тюрколога Дж. Клоусона (1891—1974), автора трудов по алтаистике. Статья Дж. Клоусона об армяно-кыпчакском языке²⁶ вызывает двойственное отношение. Наряду с квалифицированными наблюдениями, касающимися многослойной структуры лексики армяно-кыпчакского языка, в статье имеются места, которые нельзя читать без чувства неловкости. Статья Клоусона, написанная на ограниченном источниковом материале (по существу это рецензия на армяно-кыпчакский словарь Э. Трыярского), это первая—и последняя—его статья на армяно-кыпчакскую тематику, написанная без ознакомления с литературой вопроса и с применением самого шаткого метода в науке—метода аналогии. Имеется, однако, одно принципиальное различие между статьей Клоусона и сочинениями Гаркавца. Последний преподносит свои комбинации как научно доказанную истину, а Клоусон постоянно подчеркивает, что его мысли всего лишь предположения. В своих рассуждениях Клоусон ограничивается почти исключительно лингвистическими аргументами. Вот ход его рассуждений:

1. Армяно-кыпчакский язык очень близок языку Codex Cumanicus'a. С точки зрения базисной лексики—это тот же язык, которым говорят караимы. Если армяне употребляли такой же язык, то они, по аналогии с караимами, должны иметь такой же тюркский расовый

²² *Zubrzycki D.* Kronika miasta Lwowa. Lwów, 1854, e. 67.

²³ *Tryjarski E.* Ze studiów nad rekopisami i dialektem kipczańskim Ormian polskich, 1—2.—RO, 1960, t. 23, zesz. 2, s. 13.

²⁴ *Умяков И. И.* Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда. *Туманович И. И.* Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976.

²⁵ *Doerfer G.* Literatur zum Armeno-Kiptschakischen.—Ural Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1968, Bd. 40, H. 3—4, s. 251—252; *Menges K. H.* Zur Etymologie des Armeno-Qypçaqischen.—Der Islam. Wiesbaden, 1972, Bd. 48, H. 2, S. 298—332.

²⁶ *Clauson G.* Armeno-Qipçaq.—RO, 1971, t. 34, zesz. 2, s. 7—13.

состав. ведь караимы являются главным образом (но не исключительно) тюрками т. е., по-видимому, кыпчаками с хазарским субстратом.

2. В смешанных языках, когда носители одного языка попадают под сильное или господствующее влияние носителей другого языка, базовой остается лексика носителей первоначального языка, а периферическая лексика заимствует из языка господствующих носителей. При этом Клоусон ссылается на работу Дерфера, посвященную таджикскому языку, в котором базовая лексика—иранская, а периферическая—тюркская (узбекская). По аналогии, так как базовая лексика в армяно-кыпчакском языке кыпчакская, а армянская—одна из периферических, носители армяно-кыпчакского языка предположительно кыпчаки.

3. Имена членов армянских общин—армянские (христианские, преимущественно греческого происхождения), но фамилии создаются по тюркскому образцу (патронимикальные типа Дер Крикор оглу). Поэтому можно предполагать, что носители армяно-кыпчакского языка являлись исключительно или в основном кыпчаками.

4. Носителей армяно-кыпчакского языка считали армянами, а не кыпчаками, по аналогии с тем, что римо-католиков часто считали римлянами (итальянцами), хотя не все римо-католики—итальянцы, греко-православных часто считали греками, хотя не все православные—греки. Так как армяне—монофизиты, считалось, по аналогии, что все монофизиты—армяне, хотя в действительности не все монофизиты армяне.

Оставляя более подробный разбор некоторых утверждений Клоусона для следующих параграфов, необходимо сказать, что:

Во-первых, аналогия по линии базисной лексики ничего доказать не способна, так как, например, ирландцы-англофоны (а они составляют большинство ирландской нации) говорят таким же английским языком, как англичане, но «расовый состав» англичан и ирландцев совершенно различны. Армяне или греки—туркофоны Османской империи, создавшие в XVI—XIX вв. значительную литературу на турецком (османском) языке армянской и греческой графикой, не являлись ведь арменизированными или эллинизированными турками.

Во-вторых, армяно-кыпчакский язык—это не смешанный язык, а полностью усвоенный тюркский (кыпчакский) язык, воспринятый, конечно, вместе с его базисной лексикой. Язык ирландцев-англофонов это не смешанный язык, а настоящий английский язык с минимальной кельтской (ирландской) периферической лексикой.

В третьих, антропонимия, как известно, никогда не в состоянии доказать совершенно точно этнос ее носителей. Для Клоусона совершенно неизвестными остались принципы образования антропонимов армян Украины с их многократной дублетностью в зависимости от языковой среды. Значительная часть армян носила имена и фамилии, созданные по украинскому или польскому образцу. Если следовать

по линии рассуждений Клоусона, тогда это были арменизированные украинцы или поляки.

В четвертых, «религиозный» аргумент поражает своей наивностью (и типично английской точкой зрения на весь остальной мир). Ведь португальцев, испанцев, французов из-за того, что они римо-католики, никто не считал итальянцами. Подобным образом монофизитов-яковитов (западных сирийцев), коптов, нубийцев, эфиопов даже в средневековье, когда представления об этих народах были довольно смутными, никто не считал армянами.

IV. Половцы

Вопрос о т. наз. этногенезе армян-кыпчакофонов Украины, несомненно, сложный, и его окончательное решение зависит от удовлетворительного решения ряда сопутствующих вопросов, в той или иной мере отражающих различные стороны проблемы.

В первую очередь необходимо обратить внимание на не очень-то понятное смещение во времени. Считается, что язык армяно-кыпчакских памятников XVI—XVII вв. (более ранние памятники не существуют), созданных исключительно на Украине (или лицами, на короткое время выезжавшими за ее пределы)—это законсервированный язык кочевников-половцев, предшественников татар в Северном Причерноморье. Как-то затерялась хронологическая перспектива и последовательность явлений. Многие исследователи (не только Гаркавец) забыли о том, что между языком половцев, кочевников XI—первой половины XIII в., и армяно-кыпчакским языком пролегает расстояние в три-четыре столетия. Забыли о том, что о половецком языке мы, откровенно говоря, знаем очень мало—и все утверждения о мнимой близости армяно-кыпчакского (и даже армяно-половецкого!) и половецкого языков висят, в связи с этим, в воздухе.

Несколько дезориентирующее название *Codex Cumanicus*'а (казалось бы, кодекса команов—согласно названию кочевников, распространенному на Западе, или половцев—согласно названию тех же кочевников, распространенному среди славян) сыграло также свою роль. Идентичность содержания этнонимов, «половцы» и «команы» как будто не подлежит сомнению. При использовании средневековых источников, употреблявших термин «команы и половцы» еще несколько столетий после разгрома половцев (=команов) в Причерноморских степях, не учитывается склонность многих авторов к непреднамеренной и преднамеренной архаизации и анахронизации, в соответствии с которыми татары идентифицировались с исчезнувшими с исторической арены половцами (=команами). А сравнивая армяно-кыпчакский язык с языком *Codex Cumanicus*'а, памятником разговорного не половецкого, а татарского языка XIV в. (как об этом, впрочем, говорится в самом кодексе, что редко упоминается только отдельными исследователями), т. е. языка, который играл роль *lingua franca*

на обширных территориях Евразии и Ближнего Востока— снова приходили к выводу о большой близости армяно-кыпчакского языка к половецкому...

Необходимо отказаться от лишенных конкретного исторического подхода эклектических воззрений, согласно которым половцы, как квазигосударственное образование (или образования) прекратили свое существование под ударом татар в середине XIII в., но язык их сохранился и даже превратился в господствующий в Золотой орде. Из-за отсутствия памятников языка половцев подобное положение доказать просто невозможно. Все ретроспективные построения остаются очень и очень спорными. Известно, что монголо-татары с особым неистовством преследовали и физически уничтожали половцев, спасавшихся бегством на Север, Юг и Запад. Вот свидетельства источников, подбор которых отнюдь не претендует на исчерпанность.

За пятнадцатилетие, 1222—1237 гг., монголо-татары «обезлюдили большинство их (половцев—Я. Д.) местностей» в Северном Причерноморье, писал персидский историк—современник Рашид-ад-Дин (1247—1317)²⁷: «перебили всех, кого нашли» из половцев на Северном Кавказе²⁸. Монголо-татары истребили половцев Поволжья, как об этом рассказал другой современник событий, также персидский историк Джувейни (1226—1283)²⁹. В 1236—1237 гг. монголо-татары усторили гигантскую облаву на половцев, начиная от Волги и кончая западными пределами их расселения. Огромное количество половцев оказалось прижатым к морю на территории Крыма, где они массами гибли от голода и «пожирали друг друга взаимно, живые мертвых», как сообщил папский посол к монгольскому хану Гийом де Рубрук (1215/20-ок. 1270)³⁰. Другой папский нунций, Джованни дель Плано Карпини (ум. 1248/52), а также упомянутый выше Рубрук рисуют мрачную картину истребления половцев. «Команов перебили татары», «их истребили татары и живут в их земле», а на бескрайних обезлюденных пространствах степи остались только «многочисленные головы и кости мертвых людей»,—писал в 1246 г. Карпини³¹. На степных просторах ранее, «до занятия их татарами, жили команы капчат», а сейчас осталось только «огромное количество могил команов»,—реляционировал в 1253 г. Рубрук³². «Кыпчаки уничтожены»,—писал

²⁷ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2. Пер. с перс. О. И. Смирновой. М.—Л., 1952, с. 229.

²⁸ Там же, с. 229.

²⁹ Джувейни. Из «Истории завоевания мира».—в кн.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. 2. М.—Л., 1941, с. 24.

³⁰ де Рубрук Г. Путешествие в восточные страны.—В кн.: дель Плано Карпини Дж. История монголов. де Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957, с. 90.

³¹ Дель Плано Карпини Дж. История монголов.—Там же, с. 72.

³² Де Рубрук Г. Путешествие..., с. 111, 108, 104.

Джувейни³³. Половцы спасались, убегая в пределы Руси, приволжской Булгарии, Венгрии, Закавказья. Повсюду туда, преследуя половцев, врываются монголо-татары. Из Венгрии часть половцев устремилась в Болгарию и Македонию, в Малую Азию,³⁴ а на ту часть половцев, которая возвратилась в евразийские степи, монголо-татары, попрежнему смотрели как на «холопы и на конюси свое» (по словам Новгородской летописи)³⁵. «Рабы мои куманы»,—писал в 1237 г. Бату к венгерскому королю Беле IV, требуя выдачи половцев³⁶. Оставшиеся в степи половцы были «обращены ими (монголо-татарами—Я. Д.) в рабов»,—писал Карпини³⁷. На них систематически устраивались облавы,—половцев массами продавали в Египет, где они создали значительную мамелюкскую прослойку населения. В свете тех и других сведений источников историки пришли к выводу о том, что «создается картина такой радикальной чистки, которая сделала кыпчаков Золотой орды отличными по составу и географическому распространению от половцев домонгольских племен»³⁸. В практически почти полном уничтожении половцев Причерноморья не следует видеть что-нибудь из ряда вон выходящее. Войны между кочевниками на огромной территории евразийских степей нередко заканчивались истреблением целых этносов—как во время Чингисхана, так и в более ранние и более поздние периоды.

Представляется более чем сомнительным, чтобы немногочисленные реликты половцев, с одной стороны насильственно низверженных до уровня париев, а с другой стороны придерживавшихся линии враждебной индифферентности по отношению к монголо-татарам в связи со своим положением (типичным для степных обществ) «родственников убитых», могли сыграть заметную роль в формировании языка тюрок Золотой орды. Место половцев в обезлюденной степи постепенно заняли пришедшие из-за Волги другие тюркские племена, также кыпчакофоны. В Золотой орде начал развиваться свой татарский (=старотатарский) язык с различными территориальными и социальными диалектами и литературными вариантами, возможно, впитавшими отдельные элементы языка остатков половцев или, что более правдоподобно, элементы языков, близких несуществующему уже

³³ Джувейни. Из «Истории...», с. 26.

³⁴ Паишито В. Т. Монгольский поход в глубь Европы.—В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей, изд. 2-ое. М., 1977, с. 21.

³⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, с. 62.

³⁶ Юлиан. Письмо о монгольской войне.—Исторический архив, т. 3, М., 1940, с. 88, 107.

³⁷ Дель Плано Карпини. История монгалов, с. 72.

³⁸ Поляк А. И. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе.—В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. [т. 1]. М., 1964, с. 42. Об уничтожении монголо-татарами целых народов см. также Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220—1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern-München, 1974.

половецкому. И это был уже не старый половецкий (=команский), а нововозникающий татарский язык с различными соотношениями кыпчакских и огузских элементов³⁹.

Носители кыпчакского языка в армянских колониях на Украине создавали армяно-кыпчакскую письменность в XVI в. не на основании несуществовавшего тогда в Причерноморье половецкого языка, а на базе синхронного им тюркского языка—т. е. крымскотатарского языка, разговорного языка татар Крыма, откуда и прибыло на Украину значительное количество армян-кыпчакофонов. Эта языковая (и только языковая!) ассимиляция армян Причерноморья вполне подтверждается историческими источниками, содержание которых будет изложено ниже. Лингвистические данные свидетельствуют о близости языка Codex Cumanicus'a начала XIV в.—они одновременно свидетельствуют о том, что армяно-кыпчакский язык отражает последующую стадию развития языка, кыпчакского (по групповому названию) языка, развивавшегося позже, а не раньше Codex Cumanicus'a. Незачем было, ссылаясь на мнимые (несуществующие—потому что памятники половецкого языка Причерноморья домонгольского периода неизвестны) лингвистические данные, придумывать несостоявшееся принятие половцами Крыма в XI—XIII вв. армяно-григорианства с сохранением при этом половецкого языка.

По-видимому, более полезным, с научной точки зрения, было бы обращение к реально существовавшим и подтверждаемым источниками половецко-армянским связям, таким, как, например, совместное участие армян и половцев в византийских войсках во время битвы под Манцикертом в 1071 г.⁴⁰, пребывание половцев в составе войск Давида II Строителя в Закавказье и участие их в битве под Тбилиси в 1121 г.; засвидетельствованное армянским колофоном в 1193 г. пребывание армян в стране кыпчаков;⁴¹ действительно произошедшая в Армении христианизация половцев, основавших здесь селение Хпчак (*Չփշփ*) и монастырь Хпчачаванк (в 1206 г.)⁴², наконец, бегство половцев на Закавказье в период монголо-татарского нашествия⁴³ и их разгром под ударами объединенных закавказских сил. Но эта

³⁹ Вопрос о том, что татары — это наследники половцев, уже подвергался дискуссии, которая закончилась отрицанием гипотезы о непосредственной преемственности. См. *Никольский Н. В.* Половцы и татары.—Протоколы общих собраний и заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии за 1919 год. Казань, 1919, с. 5—8 (вместе с протоколом дискуссии, в частности с выступлением С. Е. Малова).

⁴⁰ *Розек В. Р.* Арабские известия о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом.—Записки вост. отделения имп. Русского археологического об-ва, т. I. СПб., 1886, с. 194, 198.

⁴¹ *Еремян С. Т.* Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках.—*Գրական արևմտագիտական երկար Պետական Համալսարանի*, Երևան, 1946, հատ. 23, с. 390—392; см. также *Котляр М. Ф.* Половцы в Грузии и Владимир Мономах.—В кн.: Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси, 1968, с. 16—24.

⁴² Там же, с. 393.

⁴³ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, т. 2. Перев. с перс. Ю. П. Верховского. М.—Л., 1960, с. 46.

действительно существовавшая зона половецко-армянских этнических контактов в Закавказье не интересует Гаркавца, так как она не ложится в прокрустово ложе его априорных построений.

Глубоко удивляет пренебрежительность, с которой Гаркавец подошел к вопросу об этническом самоназвании половцев. Оказывается, вдруг, неизвестно под каким влиянием или вследствие какого-то непонятного внешнего толчка, половцы-шаманисты занялись богоискательством, начали выбирать себе религии (караимской библизм, греческое православие, армянское григорианство—но, почему-то, не римское католичество и не ислам), чтоб одновременно ради этого случая переименовать себя в караимов, греков или армян. Оставшиеся шаманисты вынуждены были удовлетвориться этнонимом «татары». Неизвестно чего больше в этой конструкции—беспредельной наивности или, мягко выражаясь, игнорирования исторических фактов.

Половцы не были аморфной, безликой, забитой массой, ощутившей вдруг желание принять монотеизм и переменить название своей народности. Настоящий облик половцев—облик кочевников, исполненных чувства собственной гордости, этнического самосознания, с трудом и только в течение столетий поддающихся ассимиляции, раскрывается при рассмотрении их дальнейших судеб, хотя бы в Египте и Венгрии.

В Египте половцы, проданные туда как рабы (т. е. занимающие низкое положение в социальной структуре общества), создали не только значительную привилегированную прослойку мамелюков но и сумели утвердить в каирском султанате половецкую династию (1260—1381), распространившую свои владения на Сирию с Палестиной и Ливаном, ликвидировавшую остатки владений крестоносцев. Военно-феодалная верхушка султаната происходила, в основном, из Причерноморья. Половецкий язык (называемый арабо- или мамелюкско-кыпчакским) был не только разговорным, но и нашел отражение в ряде фундаментальных филологических трудов.

Не менее показательной была история половцев в ближайшей к Украине Венгрии, куда они бежали массами (начиная с 1228 г.) от монгольского разгрома. Половцы («куны») сохраняли свой язык до середины XVIII в., а их христианизация, перевод из кочевого хозяйства на оседлое создавали много внутренних проблем в Венгрии, как, впрочем, попытки половцев влиять на внешнюю и внутреннюю политику этого государства⁴⁴. Характерно, что именно приверженность своим

⁴⁴ Голубовский И. Половцы в Венгрии. (Исторический очерк).—Университетские известия. К., 1889, т. 29, № 12, с. 45—72; Gyarfas I. A. á-z-kunok története. köi. I—4. Kécskemét, Szolnok, Budapest, 1870—1885; Györfly Gy. A kunok fennléte: áó-dása.—In: Tanmányok a magyar parasztság ó-ténetéhez Magyarországon a XIV. sz. Budapest, 1953, p. 43—60; Rásonyi L. Les Turcs non-islamisés en Occident (Céçénègues, Ouzes et Qiptchaqs, et leur rapports avec les Hongrois).—Pañologie Turcicae fundamenta, t. 3. Aquis Mattiacis, 1970 p. 1—26; Göckenjau H. Hilfsvölker und Grenzwächter im mittelalterlichen Ungarn. Wiesbaden, 1972; Pálóczi—Horváth A.

древним обычаям (длинной одежде, своеобразной прическе) послужила причиной гражданской войны в Венгрии 1280—1281 гг., когда часть половцев была умертвлена. Половцы оставили след в топонимии Венгрии и Румынии,⁴⁵ в венгерском и румынском языках. Еще в настоящее время потомки половцев в этом регионе, считающие себя венграми по национальности, сохраняют чувство своего особого («кунского») происхождения.

Нечего дискриминировать половцев—не были они темной массой, мгновенно денационализировавшейся до такой степени, что забыли свое имя, потеряли свои этнические признаки и добровольно начали называть себя армянами. Половцы XIII в. не дошли до той стадии обскурации, при которой оказались бы забытыми этнические традиции, а вся жизнь сводилась бы к бессмысленному и бесперспективному прозябанию, способствующему перемене религии, этнического самосознания и самоназвания.

V. Григорианский прозелитизм

В источниках, как мы уже подчеркивали, нет никаких следов того, чтоб хотя один половец в Крыму принял григорианство—нет в распоряжении исследователей также никаких косвенных свидетельств подобного явления.

Вопреки распространенному (даже в научной литературе) мнению, армянская церковь в первые столетия своего существования не была узко национальной. В начале для армянской церкви действительно был характерен прозелитизм, в первую очередь охвативший сопредельные этнически неармянские земли. С армянским прозелитизмом связано распространение христианства в Кавказской Албании и на Северном Кавказе, начиная с кавказских гуннов и сабиров и кончая, по-видимому, удинами сегодняшнего Дагестана⁴⁶. В VII в. это миссионерство на Кавказе и в Закавказье было прервано наступлением ислама. Не подлежит также сомнению (как бы ни казалось это странным) попытка распространения григорианства в Исландии в

A Magyarországi kunok régészeti kutatásának helyzete — *Folia Archaeologica*. Budapest, 1973, köt. 24, p. 241—250; *Spinei V.* Relations of the local population of Moldavia with the nomad Turanian tribes in the 10th—13th centuries.—In: Relations between the autochthonous population and the migratory populations on the territory of Romania. Bucuresti, 1975, p. 265—276; *Bellon T.* Nagy-kunság. Budapest, 1979.

⁴⁵ *Rasonyi L.* Les noms toponymiques comans du Kiskunság.—*Acta Linguistica Hung.* Budapest, 1957, t. 7, fasc. 1—2, p. 73—143; *Conea I., Dorat I.* Toponymie petchenègue—comane de la plaine roumaine.—In: Contributions onomastiques. Bucuresti, 1958, p. 139—169.

⁴⁶ *Dumézil G.* Une chrétienté disparue. Les Albanais du Caucase.—*Mélanges Asiatiques*. Paris, 1940, t. 232, fasc. 1, p. 129—130.

середине XI в.⁴⁷ Желание связать распространение христианства в Северо-Восточной Руси (происходившее, будто бы, в период до официального крещения Руси в Киеве) с предполагаемыми грузинскими и армянскими миссионерами, продвигавшимися вверх по Волге, не выдерживает исторической критики. Старания возродить это предположение в качестве установленного факта⁴⁸ не могут считаться удачными.

В VIII—IX вв. значительную роль в обращении тюркских народов в монотеистические религии сыграло купечество. Благодаря купечеству уйгуры были обращены в манихейство, караханиды—в ислам, хазары—в иудаизм⁴⁹. Армянское купечество с древних времен располагало среднеазиатскими и восточноевропейскими контактами, но пока нет свидетельств того, что благодаря им распространялось григорианство.

Вызывает глубокое удивление легкость, с которой Гаркавец объявил найденную им во львовской армяно-кыпчакской рукописи 1626 года («Тайна философского камня» А. Торосовича) дату 965 г. годом принятия григорианского христианства «той частью кыпчаков Крыма, которые и в XVI—XVII вв. именуют себя, согласно вероисповеданию, эрмени»⁵⁰. Гаркавец не удосужился заглянуть в другую армяно-кыпчакскую рукопись—«Хронику Польши», составленную во Львове примерно в 1530 г., в которой дата 965 г. (впрочем—ошибочно) сообщается как год принятия христианства Польшей⁵¹. Именно из этой хроники Торосович заимствовал свою дату как год принятия христианства поляками. У Торосовича нет ни слова о принятии христианства кыпчаками—все это выдумка Гаркавца. Можно еще указать и на то, что в 965 г. никаких половцев-кыпчаков в Крыму не было...

К концу XI—началу XII вв. армянская церковь необратимо превратилась в национальную, охватывающую только армян, в чем не смогли не сыграть свою роль бедствия, обрушившиеся на Армению, ударившие также по ее религиозной жизни, подорвавшие силу церковной организации и прекратившие миссионерскую деятельность.

⁴⁷ Macler F. Arménie et Islande.—Revue de l'histoire des religions. Paris, 1923, t. 87, p. 236—241; *Dachkévytch Ya*, Les Arméniens à Kiev (jusqu'à 1200)—Revue des études arméniennes (в дальнейшем RE Arm.), N. S., Paris, 1973—1974, t. 10, p. 326—340.

⁴⁸ Лебединцев Н. Г. О влиянии Кавказа на ереси, распространенные на Руси.—Труды V археологического съезда в Тифлисе (1881 г.). М., 1887, с. XXXII. Халпахчян О. Х. Культурные связи Древней Руси и Армении.—Проблемы истории архитектуры народов СССР. Сборник научных трудов № 2 М., 1975, с. 5. Его же. Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М., 1977, с. 38.

⁴⁹ Pritsak O. The Khazar Kingdom's conversion to Judaism.—Harvard Ukrainian Studies (в дальнейшем HUS), Cambridge, Mass., 1979, vol. 2, № 3, p. 280.

⁵⁰ Гаркавец А. Н. Две новонайденные... с. 79.

⁵¹ Արշակ Ե. Մ. Կամենից. Տարեգրք հայոց Անտանիի և Ռուսիայի հասարակաց լուսնաբանութ. վեկնարկ. 1896, էջ 79. Сравн.: *Dachkévytch Ya*, P., Tryjarski E. „La Chronique de Pologne”—un monument arméno-kipchak de la première moitié de XVIe siècle.—RO. Warszawa, 1981, t. 42, zes. 1, s. 11, 1, 16.

В Северном Причерноморье григорианство столкнулось с гораздо более сильными конкурентами—византийской православной и, в дальнейшем, с римской католической церквями. Русская православная церковь не играла в этом регионе никакой роли, а ее миссионерская деятельность среди степных народов равнялась нулю. Это общее впечатление не способно поколебать слабые следы распространения православия среди татар Поволжья во второй половине XIII в. (данные 1276 г.)⁵². С другой стороны, русская православная церковь в XIII—XV вв. активно выступала против армян⁵³. Влияние сирийской яковитской⁵⁴ церкви было невелико, хотя она располагала здесь определенными традициями.

Начиная с III в. широкую деятельность в направлении христианизации народов причерноморского региона развила византийская церковь. К ее успехам можно причислить обращение готов, аланов, венгров (до их перехода в Паннонию), болгар периода «Великой Болгарии», частично хазар и других народов⁵⁵. В дальнейшем миссионерские стремления византийцев распространились на половцев и татар⁵⁶—конечно, это было до первых серьезных попыток внедрения ислама в татарскую среду. Успехи византийцев были довольно значительными. Источники—западные и восточные—периода до середины XIV в. отмечают существование целых областей, заселенных тюрками-христианами в Крыму между Керчью и Кафой (сообщение 1334 г.)⁵⁷, около Каспийского и Черного морей (сообщение ок. 1360 г.)⁵⁸. «Во

⁵² Совершенно правильна, в этом отношении, характеристика в работе: *Томашівський С.* Предтеча Ісидора. Петро Акеревич, незнаний митрополит руський (1241—1245).—*Записки Чина св. Василя Великого*. Жовква, 1927, т. 2, вип. 3—4, с. 273—274. Ср. также: *Полубочринова М. Д.* Русские люди в Золотой орде. М., 1978, с. 29, 33—34.

⁵³ Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Под ред. А. С. Павлова (=Русская историческая библиотека, т. 6). СПб., 1880, кол. 141—142, 250, 454—455 (тексты 1283—1305, 1390—1405 и 1423 гг.).

⁵⁴ В начале XV в. ее приверженцев в Кафе упоминает Г. Шильтбергер. См. *Schiltberger H.* Reisebuch nach der nürnbergger Handschrift. Herausgeg. von V. Langmantel. Tübingen, 1885, S. 63. (Он писал о сурянах под которыми можно было бы понимать мелькитов, но в другом месте—с. 97—Шильтбергер указывает, что суряне—это яковиты). Митрополит Руси Иоани I, в выступлении против папы Климента III (выступлении, датируемом 1080—1089 гг.) упоминает среди врагов православной церкви армян и яковитов. См. *Павлов А.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 176—177.

⁵⁵ *M. ravcsik Gy.* Byzantinische Mission im Kreise der Türkvölker an der Nordküste des Schwarzen Meeres.—In: *The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies*. London, New York, Toronto, 1967, p. 15—28.

⁵⁶ Татары-православные в Крыму упоминаются уже в 1275—1276 гг. См. *Антонин* (=Канустин). Заметка XII—XV вв., относящаяся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре — *Записки Одесского общества истории и древностей* (в дальнейшем ЗОИД), 1863, т. 5, с. 606, 608.

⁵⁷ *Поляк А. Н.* Новые арабские материалы..., с. 43 (на основании сообщений Ибн Битуты).

⁵⁸ *Libro del conocimiento de todos los regnos y tieras y señorios...* Ed. M. Jiménes de la Espada. Madrid, 1877, p. 92, 103.

всяком случае, существовали команы-христиане и они склонялись больше к греческому, чем латинскому обряду»,—заключает современная исследовательница⁵⁹.

Римское католичество устремило свой взор на кочевников с середины XIII в., когда в Восточной Европе и Средней Азии начали очень активно действовать миссии доминиканцев и францисканцев⁶⁰. В Причерноморье оно заметно укрепило свои позиции со времени появления там генуэзцев, т. е. со второй половины XIII в. Начиная с 1333 г. католичество опиралось здесь на хорошо налаженную церковную администрацию. Свидетельство ее глубокого интереса к обращению татар—составленный в Крыму частично для миссионеров—миноритов упомянутый выше *Codex Cumanicus* с переводами латинских, персидских и немецких текстов на татарский. Католичество начало подчинять себе также православных «схизматиков», небезуспешно склоняя аланов и зикхов к массовому переходу на римско-католический обряд.

Нужно сомневаться в существовании щелей между двумя церковными гигантами, борющимися за души кочевников—щелей, в которых оставалось бы место для прозелитизма григорианской церкви. Более того, армянская церковь Поволжья и Причерноморья сама очутилась под сильным давлением со стороны Рима. В первой половине XIV в. при поддержке римско-католической церкви в Крыму закрепился армянский орден Братьев унитариев, пропагандировавший отказ от мнимых 117 армянских религиозных ошибок и тесную унию с Римом⁶¹. Это привело к внутренней борьбе в среде армянских колоний Крыма, Поволжья и Украины (в Киеве, где армяне в 1371 г. изгнали проуниатского епископа Акопа⁶², и во Львове). Обстановка не могла способствовать армянской миссионерской деятельности, не говоря уже о том, что армянская церковь, не представляющая, по сравнению с византийской и латинской, особой реальной силы, не могла оказывать притягательного влияния на кочевые народы.

⁵⁹ *von den Brincken A.—D.* Die „Nationes Christianorum orientaliu“ in Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jh. Köln, Wien, 1973, S. 134. Ср. также: *Spuler B.* Le christianisme chez les Mongols aux XIIIe et XIVe siècles.—In: *Tractata Altaica. D. Sinor sexagenario .. dedicata.* Wiesbaden, 1976, p. 621—631.

⁶⁰ Новейшие работы: *Delacroix S.* Histoire universelle des missions catholiques, t. I. Des origines au XIVe s. Paris, 1956; *Pichard J.* La Papauté et les Missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe—XVe siècles). Roma, 1977 (=Collections de l'École Française de Rome № 33).

⁶¹ *van den Oudenrijn M.—A.* Uniteurs et Dominicains d'Arménie, I.—Orléans Christianus. Roma, 1956, vol. 40, p. 94—112; 1958, vol. 42, p. 110—133; 1959, vol. 43, p. 110—119; *Ero же.* Linguae Haicanae scriptores Ordinis Praedicatorum, Congregationis Fratrum Unitorum et ff. Armenorum Ord. S. Basilii citra mare consistentium. Romae, 1950; *Petrowicz G.* I Fratres Unitores nella Chiesa Armena (1350—1360).—*Euntes Docete.* Roma, 1969, vol. 22, p. 309—347.

⁶² *Dachkevitch Ya.* Les Arméniens á Kiev (de la deuxième moitié du XIIIe au XVIIe siècle).—In: *Études arméniennes en souvenir de Haig Berbérian.* Paris, 1983.

Миссионерская деятельность среди татар начала уменьшаться после первых попыток привить ислам во времена золотоордынских ханов Берке (1256—1266) и Узбека (1313—1342), которые отразились в первую очередь на населении городов. И хотя татары кочевники долго еще—даже после принудительного обращения в ислам во времена правления Едигея (1397—1419)—оставались шаманистами (об этом сообщает венецианский купец П. Барбаро, проживавший в Танае в 1436—1452 гг.)⁶³, путь для их христианизации был закрыт. С активным наступлением ислама завоевания христианских церквей на Северном Кавказе, в Поволжье, а также, частично, в Крыму оказались сильно урезанными. Кочевники-христиане подвергались дехристианизации. В Крыму, правда, остались греко-православная и армяно-григорианская церкви (после захвата Кафы в 1475 г. турками-османами римско-католическая церковь почти полностью прекратила существование), но с христианским прозелитизмом было покончено. При господстве ислама обращение в христианство исключалось.

В конечном итоге, христианизация части половцев могла принести реальные плоды только в пределах христианских стран: В Армении—где она засвидетельствована эпиграфикой (надпись 1206 г. в Хпчаханке⁶⁴); в Галицко-волинском королевстве, куда часть их убежала во время монголо-татарского погрома и где они быстро расплылись среди украинского населения, оставив следы только в топонимии. (Нельзя, конечно, принимать всерьез фантастическую теорию И. Вагилевича о том, что украинские горцы-гуцулы—это христианизированные и украинизированные половцы⁶⁵); в Венгрии, где для них было создано особое Команское епископство⁶⁶ и где их христианизация наталкивалась, несмотря на это, на значительные трудности; в Византии (точнее в Никейской империи), где их в середине XIII в. расселили в Фригии и в долине Меандра.

⁶³ *Barbaro I. Viaggio alla Tana.*—В кн.: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в., изд. Е. Ч., Скржинская. Л., 1971, с. 177, 122, 133, 134.

⁶⁴ *Еремья С. Т.* Юрий Боголюбский..., с. 393.

⁶⁵ Письмо И Вагилевича из Львова М. Погодину в Москву 1837 г.—В кн.: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861), вып. 3. С примеч. Н. Попова. М., 1880, с. 631. В статье D. I. Vahilevič. *Huculové, obyvatel východního ohoří karpatského.*—*Časopis Českého Museum, Praha, 1838, roč. 12, sv. 4, s. 475—484; 6839, roč. 13, sv. 1, s. 65—68*, гуцулы рассматриваются как потомки узоз (торков) печенегов и половцев.

⁶⁶ *Ferenf I. Cumanii si episcopatia lor. Blaj, 1931; Паушото В. Г.* Половецкое епископство.—In: *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70 Geburtstag.* Berlin, 1966, S. 33—40. *Князький М. О.* О половецких епископствах в карпато-дунайских землях.—В кн.: *Социально-экономическая и политическая история Юго-восточной Европы (до середины XIX в.). Сб. статей.* Кишинев, 1980, с. 244—251.

Учитывая реальную обстановку, существовавшую в Северном Причерноморье, а также в Поволожье в XI—XIV вв., мы не видим предпосылок для перехода половцев (или ранних татар) в григорианство.

VI Свидетельства современников

Так как анализ источников не допускает возможности обращения половцев и ранних татар в григорианство и самоприсвоения ими этнонима армяне, остается проанализировать источники в другом направлении—сохранились ли в них данные о противоположном процессе, т. е. о настолько глубоком присвоении армянами тюркского языка, что он мог превратиться в разговорный, а в XVI в. (но только в XVI в., не ранее!) преобразоваться в письменный язык, на котором созданы многочисленные памятники различных жанров.

Самым ранним упоминанием о тюркофонии армян Северного Причерноморья можно считать сообщение французского миссионера Иоанна Галлифонского (ум. после 1412 г.), известного посла французского короля Карла VI к Тимуру. Иоанн Галлифонский, римско-католический епископ армян Нахичевани, с 1398 г. архиепископ Султании, с 1410 г. архиепископ Китая (куда он не доехал из-за преклонного возраста), хорошо, по собственному опыту знал Причерноморье и Ближний Восток. В своей «Книге познания земли» (около 1404 г.) он писал о Причерноморье, включая Крым: «В этой стране много христиан, а именно греков, много армян, зикхов, готов, татов, волаков, черкесов (таркаци), леков (ивлат), яссов, аланов, аваров, казикумыков, и почти все они говорят на татарском языке»⁶⁷. Описанная этническая ситуация соответствует периоду концу XIV-начала XV вв. Она являлась результатом процесса, начавшегося несколько десятилетий назад после захвата Крыма монголо-татарами, который, кстати, нашел отражение в источниках еще конца XIII в.

Известный историк Георгий Пахимер (1242—1310), один из блестящих умов Византии XIII в., автор хроники, охватывающей 1255—1308 гг., отметил, описывая период после набега Ногай на Крым, что «с течением времени [народы], обитавшие внутри этих [стран], я понимаю аланы, зикхи, готы, русы и различные соседние с ними народы научаются их [=татар] обычаям, и вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делаются их союзниками в войне» (lib. V, 4)⁶⁸.

⁶⁷ Kern A. Der „Libellus de notitia orbis“ Johannes III (de Galonifontibus) OP, Erzbischof von Sultanyeh.—Archivum Fratrum Praedicatorum, Roma, 1938, vol. 8, p. 108. Ср. также Dery J. L'arméno-coman et les „Ephémérides“ de Kamieniec (1614—1613). Wiesbaden, 1957, p. 9.

⁶⁸ Georgii Pachymeris De Michaelis et Andronico Palaeologis libri tredecim. Rec. I. Bekkerus, vol. I. Bonnae, 1835, p. 345. Пятая книга хроники отражает, в основном, события 70-х гг. XIII в., наиболее крупный набег Ногай на Крым состоялся, однако, в 1299 г.

Хотя Георгий и не упоминает армян, но ясно, что это был тот процесс, в русло которого в силу обстоятельств были втянуты также крымские и другие армяне, проживавшие на подвластных татарам территориях. Этническая мозаичность Крыма являлась фактором, способствовавшим лингвистической ассимиляции в сторону общего контактного языка, которым оказался татарский.

Свидетельства Георгия Пахимера и Иоанна Галлифонского подвергнуть сомнению невозможно. Или, может быть, стоит вслед за Гаркавцом считать, что все эти многочисленные народности, воспринявшие татарский язык в качестве разговорного, это одни и те же половцы-кыпчаки, вдруг расширившие ассортимент избираемых ими этнонимов и начавшие называть себя зикхами, готами, татами, русами, черкесами, леками, аланами и т. д.?

Как наиболее раннее свидетельство пребывания армян-тюркофонов на Руси нужно расценивать высказывание видного польского историка Яна Длугоша (1415—1480). В «Истории Польши» он отметил, что язык армян и татар идентичен⁶⁹—эти слова были написаны в 60-х гг. XV в. Они примерно на 50—60 лет опережают самые ранние памятники армяно-кыпчакской письменности.

Со временем подобных свидетельств становится больше. Мы подобрали только наиболее ценные из них⁷⁰. А.-М. Грациани писал, что книги армян Львова написаны по-армянски, но сами они говорят по-татарски и по-турецки (1564 г.)⁷¹. Я.-Д. Соликовский отметил, что богослужебный язык армян Украины армянский (1597, 1600 гг.), но разговорный язык имеют «общий с турками» (ранее 1597 г.)⁷². Русское «Слово о арменех» указывало, что армяне «с татарове татарове» (конец XVI в.)⁷³.

И. Альнпех писал, что львовские армяне отправляют богослужения по-армянски, а «дома говорят исключительно по-татарски» (1603—

⁶⁹ *Dlugosz J. Historiae Polonicae libri XII, t. 2. Cracoviae, 1873, p. 125.*

⁷⁰ См. *Дашкевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык XV—XVII вв. в освещении современников.*—В кн. *Языкознание. Тезисы докладов и сообщений XIII Всесоюзной тюркологической конференции, Ташкент, 10—12 сентября 1980 г. Ташкент, 1980, с. 61—62.* Более подробное изложение сообщений современников см. Его же. *Армяно-кыпчакский язык XV—XVII вв. в освещении современников. (Об использовании экстралингвистических данных для истории тюркских языков).*—*Вопросы языкознания. М., 1981, № 5, с. 79—92.*

⁷¹ *Gratiani A. M. De vita J. F. Commendonis cardinalis. Patavii, 1685, p. 189.*

⁷² *Solikowsski J. D. Szrodki do zgody podane między panu rajce i miescanu catholiki a p. Ormiany.*—Рукопись в Центральном государственном историческом архиве (в дальнейшем ЦГИА) УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 136, с. 249; *Relacje arcybiskupów lwowskich 1595—1794. Lwów, 1937, S. 25; Sultcovius J. D. Commentarius brevis rerum Polonicarum. Dantisci, 1617, p. 108.*

⁷³ [*Казелин Л. А.*] Греческие сказки об армянской вере, перешедшие в нашу древнюю русскую письменность.—Чтения в имп. Обществе истории и древностей русских. М., 1878, кн. 1, с. 2.

1605 г.)⁷⁴. Ш. Петрицы подчеркивал, что армяне «употребляют язык турецкий, татарский, языческий», изучают его в школах (1605 г.)⁷⁵. М. Цейллер упомянул, что «язык армян общий с турецким» (1657 г.)⁷⁶. А. Целларий указывал, что армяне Украины «говорят на языке, соответствующем турецкому» (1659 г.)⁷⁷. Л.-М. Пиду де Сент-Олон не только неоднократно отмечал тюркофонию армян Украины (1669—1676 гг.)⁷⁸, но и указывал на истоки этого явления (он провел в среде армян Украины пятнадцать лет, хорошо знал их прошлое и обычаи, превосходно изучал язык). Он писал о том, что в древнейших армянских колониях на Украине (в Киеве, Владимире, Луцке, Львове, Каменце, Снятыне, Галиче), основанных выходцами из Крыма, верхушка колоний до сих пор «основательно знает скифский (т. е. татарский—Я. Д.) язык», а в более новых колониях знают только разговорный народный армянский язык⁷⁹.

Все эти упоминания современников отчетливо говорят о том, что тюркофония армян ни дня кого не являлась секретом, не вызвала особого удивления, что были известны причины и истоки этого явления. И все авторы согласно писали, что носителями татарского или турецкого (по современной терминологии—тюркского) языка являются армяне, именно армяне—по происхождению, этническому сознанию, культуре, обычаям, религии. Ни малейшего намека на половецкое происхождение. Или, может быть, все они ошибались, считая, что люди, которые сами себя называют армянами, которых все кругом называют армянами—это армяне? А в действительности это были замаскированные половцы.

VII. Пути языковой ассимиляции

Нет, не ошибались. Совокупность исторических и лингвистических фактов, изучение этно- и социолингвистической ситуации, в которой очутились армяне—эспатрианты, проживавшие в среде господства кыпчакских языков, дает возможность проследить основные этапы процесса языковой ассимиляции.

Сохранилось мало сведений об армянских колониях Восточной Европы в домонгольский период. Виновата не только фрагментарность

⁷⁴ *Alnpekus J.* Topographia civitatis Leopolitanae.—In: Rachwat S. Jan Alnpek i jego „Opis miasta Lwowa” z początku XVII w. Lwów, 1930, s. 20.

⁷⁵ *Petrycy S.* Jesli Zydowie wiecey podeyrzani... In: Aristoteles. Polityki to jest Rzadu rzeczypospolitej z dokladem... cz. 1. Kraków, 1605, c. CXXX, CXXXII.

⁷⁶ *Zeiller M.* Anderte Beschreibung des Königreichs Polen und Grosshertzthums Litauen... Ulm, 1657, S. 148.

⁷⁷ *Cellarius A.* Regni Poloniae, Magnique ducatus Lituaniae omniumque regionum... novissima descriptio. Amstelodami, 1659, p. 315.

⁷⁸ *Zródła dziejowe*, t. 2. Warszawa, 1876, s. 16, 37, 70, 77, 109, 111, 151, 209.

⁷⁹ Там же, с. 130.

источников; просто и колоний этих было, по-видимому, не столь уж много. Крупный армянский очаг был в Киеве, были отдельные колонии в Крыму. Не подлежит сомнению, что колонии носили, в основном, торгово-ремесленный характер. Этно-религиозная консолидация, эндогамия создавали барьер между армянами и остальным населением, но профессиональная структура переселенцев накладывала на них обязательство изучить контактный язык, являвшийся основным средством общения в данной местности или на данном торговом пути. Крым еще в XI в. частично, а в дальнейшем почти весь очутился под доминацией половцев и, хотя в крупных городах господствовал греческий язык, знание половецкого было необходимо особенно для торговли с кочевым населением.

Монголо-татарское завоевание усилило господство тюркского— снова кыпчакского по характеру, но отличного от половецкого— На обширных территориях евразийских степей и на соседних территориях татарский язык становится главным средством общения также между нетюркскими народами. Язык этот—после включения в сферу влияния кыпчакских языков египетского мамелюкского государства⁸⁰—становится настоящим *lingua franca*. Об этом свидетельствуют современники. Монах Пасхалис писал в 1338 г. из Алматы о том, что в Сарае на Волге он «с Божьей помощью изучил команский язык и уйгурское письмо, ибо этот язык и письмо употребляются повсеместно во всех владениях или империях татар, персов, халдеев, медов и в Китае»⁸¹. Подобным образом Ф. Бальдуччи-Пеголотти, составитель торгового пособия в середине XIV в., подчеркивал, что купцам, торгующим в Причерноморье, необходимо иметь переводчиков, владеющих команским языком для того, чтобы вести торговлю с жителями степей⁸². (Употребление термина «команский язык» в середине XIV в.— еще одно свидетельство того довольно часто встречаемого явления, когда название народа и его языка переживают сам народ).

Монголо-татарское нашествие выхлестнуло из Армении новые тысячи и тысячи переселенцев, очутившихся в зоне господства кыпчакского языка. О том, что в этих регионах происходила языковая ассимиляция в сторону усвоения татарского, мы знаем из приводимых выше сообщений Георгия Пахимера и Иоанна Галифонтского. Исходя из тех сведений, которыми мы располагаем об армянских колониях на территории Золотой орды (и ханств, на которые она в дальнейшем распалась), можно считать, что языковая ассимиляция происходила

⁸⁰ На то, что армяне из Украины достигали Александрии и Каира, указывалось в 1517 г. См. *Mathias de Myechow. Tractatus de duabus Sarmatiis. Augusta Vindellcorum, 1518. p. eiiij.*

⁸¹ *Paschalis de Victoria. Epistola.*—In: *Sinnica Franciscana, vol. I. Quaracchi, 1929, p. 504.*

⁸² *Balducci-Pegolotti F. La pratica della mercatura. Cambridge, Mass, 1936, p. 21—22.*

дл в состав львовской армянской епархии;⁸⁸ переселение из Крыма подтверждается многочисленными источниками; судьба армянского населения Приднестровья после освобождения его от татарского владычества неизвестна) приносили этот язык с собой. Сначала это был язык, служивший для контактов с тюркским населением, в дальнейшем — разговорный язык в среде этнически армянских поселенцев. Процесс потери собственного языка должен был охватить несколько поколений — сначала должен был господствовать, более или менее продолжительное время, период языкового двуязычия. Можно вполне согласиться с тем, что на самых ранних порах — в период монголо-татарского нашествия — контактным языком являлся половецкий, который, однако, в армянской среде не превратился в письменный. В дальнейшем это был уже другой кыпчаковский язык — крымскотатарской. В отличие от Э. Шюца, пытающегося найти в Крыму определенное место, где жили преимущественно (или исключительно) армяно-кыпчакофоны, переселяющиеся на Украину,⁸⁹ мы считаем, что процесс языковой кыпчакизации охватил дисперсно все армянское население Крыма (как и Поволжья, и Приднестровья), и поиски конкретного центра поселения армян-кыпчакофонов в Крыму не могут увенчаться успехом.

Разговорным языком в армянских колониях домонгольской Руси (т. е. главным образом — если не исключительно — Киева) был армянский язык. В киевской среде возник перевод «Сказания о Борисе и Глебе» из древнеукраинского на армянский⁹⁰. Вряд ли существенным образом переменялась языковая ситуация в первые десятилетия после монголо-татарского нашествия. Два дошедших до нас текстуально документа 1363 и 1398 гг.⁹¹, составленные соответственно во Львове и в Каменце-Подольском, написаны по-армянски⁹². На армянском

⁸⁸ Он упоминается в кондаках католикосов Теодороса II 1388 г. и Яковбоса III 1410 г. под несколько деформированным названием *Էնկի Սալայ* (= Энки Салай. Но мѣ Сараї). См. *Ղ. Ալիշան, Կաթողիկոս... Վեհեօթիկ, 1896, էջ 9, 221*. В публикации топоним напечатан как одно слово, хотя из фотокопии кондака 1388 г. видно, что название состоит из двух слов. См. *Petrowicz G. La Chiesa armena in Polonia. P. 1, Roma, 1971, p. 171*. Деформация топонима мешала до сих пор его идентификации. Датировку кондака Теодороса II принимаем вслед за Петровичем, цит. работа, с. 29.

⁸⁹ *Schütz E. Armeno-kiptscpakisch... S. 185–205*

⁹⁰ См. *Dachkevitch Ya. Les Arméniens à Kiev (jusqu'à 1240). Deuxième partie. — REArm., N. S. Paris, 1975–1976 t. 11, p. 346–375*. Его же. До історії українського г. (Графема г у вірменській передачі першої половини XIII ст.). — *Slavia, Praha, 1977, N 3, с. 227–235*.

⁹¹ Публикация текста документа 1363 г. см.: *Գրություն Ազայց Ա., Աշխարհադրամբ... 1802, էջ 133–134*. Существуют также другие публикации оригинала и перевода. Имеется несколько публикаций оригинала и перевода документа 1398 г. См., например, *Кучук-Иоаннесов Х. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму. — «Древности восточные», М., 1903, т. 2, вып. 3, с. 42–44*.

⁹² Нет малейших оснований для того, чтоб считать, что уже во второй половине XIV в. армяне Львова и других колоний на Украине, даже прибывшие из Крыма,

языке составлялись, как правило, колофоны армянских рукописей, переписанных на Украине в XIV—XV вв. (самые ранние из них датируются 1378 и периодом после 1379 г.)⁹³.

Мы не знаем, когда именно и при каких обстоятельствах образовался количественный (и качественный) перевес армян-кыпчакофонов над армянами—«армянофонами»; считаем, однако, упоминаемое ранее сообщение Я. Длугоша о татарофонии армян признаком усиливающейся доминанции кыпчакофонов. Сведения Длугоша датируются 60-ми гг. XV в. Тогда уже тюркоязычная стихия среди армян Украины была, несомненно, сильной. Она усилилась после миграции армян вызванной захватом прибрежной зоны Крыма и Пиразовья турками-османами в 1475 г. Эту миграцию отметили, по-видимому, не дошедшие до нашего времени каменец-подольские армянские церковные хроники, использованные в конце XVII в. армянским историком С. Рошкой⁹⁴.

Большой парадокс в истории армяно-кыпчакского языка состоит в том, что письменный язык был создан не в тюркской среде, а в окружении славянского—украинского, частично польского—населения. Этот парадокс пока не находит себе удовлетворительного объяснения; по-видимому, сыграл роль именно высокий уровень армянского самосознания, препятствовавший созданию армяно-кыпчакской письменности в крымскотатарском окружении, где ее могли бы расценивать как видимый признак ассимиляции с татарами и свидетельство серьезной ломки барьера, окружавшего армянские колонии. В славянской языковой среде возникновение армяно-кыпчакской письменности к подобным последствиям не приводило: барьер между армянами и неармянами сохранялся в языковой сфере дальше. Конечно, это только одно из возможных объяснений парадокса, который еще ждет углубленного исследования⁹⁵.

Правда, в литературу изредка попадали сведения о существующих якобы армяно-кыпчакских рукописях, составленных в Крыму. В свое время А. Ташьян высказывал предположения, что некоторые из армяно-татарских (по его терминологии) рукописей из собрания венских

употребляли в качестве разговорного армянокыпчакский язык, как пишет, например, *Mañkowski T.*, *Orient...*, s. 99—100.

⁹³ *Petrowicz G.*, *La Chiesa...*, p. 25, (колофон 1378 г.); *Խաչիկյան Լ. Ա., ժԳ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, Երևան, 1950, էջ 529* (№ 656, колофон после 1379 г.).

⁹⁴ «Ստեփանոսի Ռոշկայ ժամանակագրութիւն կամ տարեկանը եկեղեցականը», *Հրատ. Հ. Ոսկան, Վրեննա, 1964, էջ 196*. См. также *Крымский А. Е.* Тюрки. их мови та літератури, 1. вип. 2. К., 1930, с. 157; *Schütz E.* Notes on the armeno-kipčak script and its historical background.—In: *Aspects of Altaic Civilization* (=Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 23). Bloomington-Hague, 1963, p. 147—148.

⁹⁵ Более подробно о связанных с этой проблемой этно- и социолингвистических вопросах см.: *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории.—*Вопросы языкознания*. М., 1983, № 1, с. 91—107.

мхитаристов написаны в Крыму⁹⁶. Ф. Маклер указывал, что существовал армяно-татарский кодекс, написанный в Крыму и привезенный в Париж в 1730 г.⁹⁷ Он с глубоким убеждением писал об использовании армянами Кафы и остального Крыма многих рукописей и печатных изданий (так!) на татарском языке армянскими буквами⁹⁸. Но сообщение Маклера явно ошибочно: он сам, не владеющий ни турецким, ни татарским языками, явно имел в виду армяно-турецкие (осмачские) рукописи и издания, создаваемые в Турции. Как бы то ни было, до сих пор не найдено ни одного убедительного свидетельства существования армяно-кыпчакской литературы в Крыму. Среди многочисленных (более 200) армянских рукописей, написанных в Крыму в XIV—XVII вв. и хранимых ныне в ереванском Матенадаране, армяно-кыпчакских текстов нет; но часть предположений Ташьяна и Маклера (а также другие упоминания в различных каталогах и обзорах рукописей) до сих пор проверена не была. Неожиданные открытия в этой области, конечно, возможны, но на сегодня непреложным является тот факт, что письменный армяно-кыпчакский язык возник только на Украине в первой половине XVI в., т. е. почти три столетия после разгрома половцев в причерноморских степях.

В соответствии с проверенными научными данными, своеобразной колыбелью армяно-кыпчакской письменности явился Львов 20—30-х гг. XVI в. Именно тогда в среде львовской армянской колонии состоялся своеобразный языковой переворот: в 1521 г. официальное делопроизводство общины переходит из армянского языка на кыпчакский;⁹⁹ в 1528 г. был изготовлен армяно-кыпчакский перевод т. наз. Львовского судебника—кодекса армянских прав (реминисценции судебника Мхитара Гоша), утвержденного королем Сигизмундом I в 1519 г.; в 1530 г. или несколько лет позже была составлена «Хроника Польши» на армяно-кыпчакском языке; в 1537 г. или сразу после него написана т. наз. «Венецианская хроника»¹⁰⁰. Несомненно, что

⁹⁶ *Տաշեան Յա., Յուզակ հայերէն ձեռագրաց մատենադարանին Մխիթարեանց և Վրէնեա, Վրէնեա, 1895*, рукописи №№ 143, 311 и др. Ср. *Schütz E., Notes...*, p. 154. В отношении рукописи № 311 совершенно ясно, что она написана на Украине—См. *Tryjarski E. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises, t. 1, fasc. 1. Warszawa, 1968, p. 17.*

⁹⁷ *Macler F. Catalogue des manuscrits arméniens et géorgiens de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1908, p. XLV.*

⁹⁸ *Macler F. Les Arméniens de Galicie. REArm., 1926, t. 6, fasc. 1, p. 16.* Сомнение в правильности суждения Маклера высказал в свое время Дени. См. Его же. *L'arméno-coman...*, p. 15—16.

⁹⁹ *Բժշկեանց Մ., Ճանապարհորդութիւն 'ի Վնստան..., Վնստիկ, 1830, էջ 87.* Бжшкян отметил, что в рукописной книге (т. е. книге львовского армянского духовного суда) последняя запись на армянском языке датируется 12 марта 1521 г., а первая на татарском 26 августа 1521 г. Сама книга не сохранилась. См. *Дашкевич Я. Р. Львовские армяно-кыпчакские документы...*, с. 160.

¹⁰⁰ Точнее об этом. см. *Dachkévytch Ya., Tryjarski E. „La Chronique de Pologne”—un monument arméno-kiptchak de la première moitié du XVIe siècle. RO, 1981, t. 42, zesz. 1, s. 5—26.*

весь этот «языковой переворот» во Львове не был результатом деятельности одного человека, не мог быть также следствием давления среднего (даже многочисленного) слоя армян-кыпчакофонов. По-видимому, именно тогда сложился во Львове кружок культурных деятелей-кыпчакофонов, из среды которого вышла инициатива перевода делопроизводства общины на кыпчакский, составления по-кыпчакски трудов юридического и исторического содержания. Время и условия подобного переворота в других колониях, в частности в крупной колонии Каменца-Подольского, довольно значительной колонии Киева, скрыты от нашего взора.

В языковой ассимиляции армян (и других народов) на территории с господствующим тюркским языком нет ничего непонятного или из ряда вон выходящего. Подобные явления и процессы известны также из этнической истории многих, не только восточных, народов. Мы не собираемся приводить многочисленные параллели, укажем только на языковую тюркизацию части армян, проживавших в пределах Османской империи.

Уже у Ованнеса Ерзинкаци (ок. 1230—ок. 1293) встречаются кыпчакско-восточноанатолийские тексты армянской графикой, свидетельствующие о восприятии тюркских языков армянами Закавказья¹⁰¹. В 1591 г. известный итальянский географ Дж. Ботеро в своих «Всеобщих реляциях» отметил, что в Османской империи «армяне совершают богослужение на своем языке, и хотя в разных местностях говорят на различных языках, в Константинополе они настолько привыкли к турецкому языку, что с большим трудом произносят «Отче наш» по-армянски»¹⁰². Османский язык принесли с собой константинопольские армяне, переселившиеся в южную Молдавию¹⁰³. К XVII в. количество османских рукописей армянскими буквами значительно возрастает¹⁰⁴. Языковая османизация армян призвала к жизни книгопечатание на турецком языке армянскими буквами. С 1841 г. по конец XIX в. издавалось не менее 72 газет и журналов подобного типа¹⁰⁵. Все это — только отдельные эпизоды, так как этническая история османизированных в языковом отношении армян, к сожалению, до сих пор не написана. К сожалению — и это дает почву некоторым современным турецким историкам (М. Йынанчу, например) говорить о том, что значи-

¹⁰¹ Մաալյան Ա., Հովհաննես Երզնկացի. Ուսումնասիրություն և բնագիր. Երևան, 1958, էջ 164—165, 257—258:

¹⁰² Botero G. Relationi universali. Venetia, 1610, p. 478.

¹⁰³ Sufu N. Notiții statistice asupra Moldavei. Iasi, 1852, p. 50—51. Берж Л. С. Бессарабия. Страна, люди, хозяйство. Пр., 1918, с. 134; Его же. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пр., 1923, с. 36.

¹⁰⁴ Schütz E. Jeremia Celeb's türkische Werke. (Zur Phonetik des Mittelosmanischen).—In: Studia Turcica. Budapest, 1971, S. 401—430. Sanjian A. K., Tietze A. Eremya Chelebi Kōmōrjian's Armeno-Turkish Poem „The Jewish Bride“. Budapest, 1981.

¹⁰⁵ Կ. Ստեփանյան, Հայաստանի թուրքերեն հայ մամուլը, Հայ պարբերակ. մամուլի պատմություն, հ. I, 1963, էջ 239—274:

тельная часть малоазиатских греков и армян — это потомки кыпчаков, принявших христианство (полная параллель к высказываниям Клоу-сона и Гаркавца!)¹⁰⁶. Языку этой значительной группы армян посвящено всего несколько исследований¹⁰⁷.

Армяне-кыпчакофоны не были единственной того рода этно-лингвистической группой на Украине и в Крыму. Некоторые из них — в реликтовом состоянии — дожили до наших дней. Это православные греки-татарофоны (также базариане, иногда таты), проживающие с конца XVIII в. на Мариупольщине и употреблявшие (как и греки-туркофоны Малой Азии) греческий алфавит для записи своего диалекта¹⁰⁸. Это раббаниты-еврей-татарофоны (иначе называемые крым-чаками) в Крыму, почти полностью уничтоженные во времена Второй мировой войны, употреблявшие еврейский алфавит¹⁰⁹. В прошлом еврей-татарофоны проживали также в ряде городов украинского Причерноморья,¹¹⁰ но их этническая история почти полностью неизучена. Это караимы-татарофоны Южной Украины, включая Крым, использовавшие еврейскую графику. Караимы этого региона, потеряв свой первоначальный (караимский) язык, усвоили крымскотатарский,¹¹¹ сильно отличающийся от западнокараимского (также одного из кыпчакских) языка более древних караимских колоний Западной Украины и Литвы, язык которых более близок к языку Codex Sumanicus'a по той простой причине, что переселение их из Крыма началось еще в 1256 г.¹¹² В качестве примера можно привести и греков-тюркофонов, проживавших на Мариупольщине еще в начале 40-х гг. нашего

¹⁰⁶ *Yinanç M. N. Türkiye tarihi. Selçuklular devri. İstanbul, 1944, p. 176.*

¹⁰⁷ Упоминаем, хотя бы: *Клоу-сон Л. Ф. Армянский диалект в турецком языке. Исследования, 1902* (на с. 1—11 специально об армяно-туркофонизме); *Sluszkiewicz E. Remarques sur la langue turque des Arméniens et sur les emprunts turcs de l'arménien. — RO. Lvów, 1939, t. 14, p. 136—153; Kraków, 1949, t. 15, pp. 268—320.*

¹⁰⁸ Им посвящена небольшая литература, например: *Blau O. Griechisch-tatarische Sprachproben aus Mariupoler Handschriften. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig, 1874, Bd. 28, s. 532—576; Браун Ф. Мариупольские греки. — Живая старина. СПб., 1890, т. 1, в. 2, с. 78—92; Соколов И. И. Мариупольские греки. 1. Мариупольские греки до поселения их на Украине (XV—XVIII вв.). — Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1932, т. 1, с. 315—317; Муратов С. Н. Материалы по говорам тюркоязычных греков (урумов) Донецкий области УССР. Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. М., 1963, вып. 72, с. 178—191.*

¹⁰⁹ Литература о них скудная. Последнее монографическое исследование: *Фило-ненко В. И. Крымчакские этюды. — RO, 1971, t. 35, zes. 1, s. 5—35.*

¹¹⁰ *Kraushar A. Historia Żydów w Polsce, t. 1. Warszawa, 1865, s. 51.*

¹¹¹ *Pritsak O. Das Karaimische. — Philologiae Turcicae fundamenta, t. 1, Aquis Matiacis, 1950, S. 318, 321, 325; Прик О. И. Очерк грамматики караимского языка. (Крымский диалект). — Махачкала, 1976; Мусаев К. М. Краткий грамматический очерк караимского языка. М., 1977, с. 5.*

¹¹² *Dachkévytch Ya. L'époque de Danylo Romanovyč (milieu de XIIIe siècle) d'après une source karaïte. — HUS, 1978, vol. 2, No 3, p. 334—373.*

века.¹¹³ Так что, во всяком случае, армяне-кыпчакофоны это не какое-то особое исключение.

Задачи данной работы не требуют рассмотрения вопроса о том, каким образом и почему армяно-кыпчакский язык превратился в мертвый. В качестве письменного он исчезает во Львове в 1680-ых гг., в качестве разговорного—одно—два поколения позже.

На смену памятникам, написанным кыпчакским языком и армянской графикой, на короткое время приходят памятники на польском языке армянской графикой, отражающие следующий этап этнической истории армян Украины—их частичную языковую полонизацию¹¹⁴. В этом плане существует полная параллель с письменностью западно-белорусских и западноукраинских татар, мусульман (также переселенцев из Крыма), употреблявших в XVII—XX вв. арабскую графику для записи текстов на белорусском и украинском языках¹¹⁵.

Применение рецепта Гаркавца может подсказывать мысль о том, что и греки-тюркофоны, и еврей-крымчаки, и караимы-татарофоны, и грузины-татарофоны—это все те же закамуфлированные половцы (что, впрочем, он и утверждает в отношении греков и караимов)... Но а носители «армяно-польского языка» (польского с армянской графикой) или же «арабо-украинского» и «арабо-белорусского» языков—это, конечно, поляки, принявшие григорианство в XVII в., или же украинцы и белорусы, исламизированные тогда же...

Остается высказать единственное, в данном случае, заключение: одних только лингвистических данных мало для того, чтоб судить о характере и происхождении этноса. Этнос—явление очень сложное, не определяемое исключительно языком. Выводы о нем можно делать только на основании целой системы интегрирующих компонентов, влияющих на возникновение этноса или же характеризующих его сущность в конкретной исторической обстановке—что мы и постараемся сделать в дальнейшем.

VIII. Антропонимия

Антропонимы—в качестве аргумента, доказывающего тюркское происхождение армян Украины—были выдвинуты Клоусоном. Как указывалось уже выше, сам Клоусон был очень поверхностно знаком

¹¹³ Браун Ф. Мариупольские греки, с. 78, 82—83; Ялі С. Греки в УССР. Х., 1931, с. 19.

¹¹⁴ О текстах этого типа, сосуществующих с армяно-кыпчакскими памятниками или следующих непосредственно за ними, имеется небольшая литература. См. Գրիգորյան Վ., Պրոմիթը Ա., Հայաստանի Եկեղեցիների Գրությունները, «Քաղաքի Մատենադարանի», Երևան, 1961, հատ. 7, էջ 226—266, Staszewicz E. Formuła przysięgi starszych lwowskiej gminy ormiańkiej wg rkp kodeksu praw, nadanych Ormianom przez Zygmuna I w r. 1519 (nr 1916, Ossol.).—RO, 1966, t. 30, zesz. 1, s. 109—118. Ср. также Տաշևիչ Ե., Տեղանի..., рукописи №№ 51, 417, 480, 484, 485, 503, 548 и др.

¹¹⁵ Антонович А. К. Белорусские тексты, написанные арабским письмом их графико-орфографическая система, Вильнюс, 1968.

с антропонимией армян Украины и поэтому его утверждения поражают поверхностностью суждений.

Антропонимия армян Украины располагает очень богатым источниковым материалом—и минимальной научной литературой. Довольно много неквалифицированных суждений, брошенных вскользь неспециалистами, способствовало запутыванию вопроса. По-существу, имеется только одна работа, посвященная антропонимии,¹¹⁶ но это только начало серьезных ономастических исследований.

Клоусон обратил внимание только на одну сторону явления—на образование антропонимов (в армяно-кыпчакских текстах) по тюркскому образцу (модель: имя+имя отца+обозначение степени родства, например, Каспар Задик оглу), причем имена, выступающие в подобных случаях—христианские. Он ничего не знал о существовании довольно мощного тюркского слоя в антропонимии армян Украины и Крыма XIV—XV вв.¹¹⁷ С другой стороны, он не подозревал даже наличия антропонимических дублетов, под которыми нужно понимать номинативные дублеты—существование их вызвано разными национальными полями. В условиях мультилингвизма, характерного для армянских колоний на Украине (употребление армянского и кыпчакского языков внутри колоний, а украинского и польского в качестве контактных языков), это было, по крайней мере, три национальных поля: армянское, кыпчакское и украинско-польское (к которому примыкало латинское поле административно-судебной документации). Одно и то же лицо оформляло свое имя различными дублетами (в зависимости от национального поля), конкретно-различными лексемами, родственными этимологически, лексически, фонетически.

Собранный нами довольно значительный антропонимический материал (на основании созданных во Львове армяно-кыпчакских текстов и адекватных им синхронных польских переводов) позволяет сделать вывод о наличии в XVI—XVII вв. трех тенденций в оформлении антропонимов армян-кыпчакофонов: 1. В соответствии с тюркской антропонимической системой (типа: Якуб Андрий оглу, Марта Каспер хыз), с употреблением данных типов в армяно-кыпчакской среде, а также в тюркоязычной среде за пределами Украины; 2. В соответствии со славянской системой—появление патронимикальных

¹¹⁶Tryjarski E. Les noms de personnes dans les écrits arméno-kiptchak: un essai de classification.—In: Actes du XIe Congrès international des sciences onomastiques (Sofia 28 VI—4 VII 1972). Sofia, 1975, p. 365—381. Выводы из нашего неопубликованного доклада «Кыпчакско-славянские антропонимические дублеты XVI—XVII вв.» прочитанного на конференции «Актуальные проблемы среднеазиатской ономастики», Бухара, октябрь 1974 г.) приводятся ниже, однако без подробного изложения методики использования источников.

¹¹⁷Ср., например, Айвазовский Г. Армянские надписи, находящиеся на Юге России.—ЗООИД, 1867, т. 6, с. 323—332; Кучук-Иоаннесов Х. Старинные армянские надписи..., с. 68—69; Гоґоздін І. М. До вивчення старо-кримських надгробків.—В кн.: Обілейний збірник на пошану акад. Д. Й. Баґалія, [ч. 1] = Збірник історично-філологічного відділу ВУАН, № 51), К., 1927, с. 472.

фамилий украинского и польского типов на -ович, -овиц (Вартерисович, Бернатовиц) с употреблением этих типов в украинской и польской среде; 3. В соответствии со смешанной тюркско-славянской системой (типа: Торос Якуб оглу Торосовиц, Милюхна Торосовиц хыз) с употреблением этих типов в армяно-кыпчакской языковой среде. С точки зрения непосредственного заимствования (но не отдаленной этимологии) антропонимов, в армяно-кыпчакских текстах тюркские имена в XVI—XVII вв. (в отличие от XIV—XV вв., когда они были частыми) встречаются редко (например, Мурат) наряду с армянскими именами (Вартик, Ягон, Гурег). Определяется наличие значительной доли украинских (Василь, Ивашко, Коста, Гриско-Греско) и отдельных польских (Якуб, Ян, Баска) имен. Таким образом, антропонимы армяно-кыпчакских текстов (ту их часть, которая денотирует объекты из среды львовской колонии) необходимо рассматривать как огромное по объему проявление языковой интерференции в области антропонимии, фактическое нарушение правил соотношения контактирующих языков (армяно-кыпчакского, с одной стороны, армянского и двух славянских—с другой). Результатом интерференции явился значительный инонациональный славянский антропонимический пласт в армяно-кыпчакском языке. В лингвистическом плане, возникновение пласта связано с условиями мультилингвизма, отражавшего ту этническую ситуацию, при которой иммигранты, живущие довольно изолированно, постепенно подчинились антропонимической трансформации, диктуемой окружающей украинско-польской средой.

В документах, составленных во Львове в XVI—XVII вв. на польском языке, господствует тенденция к полонизации имен с сохранением, однако, довольно стойкой группы имен, не поддающихся полонизации (Нерсес, Торос, Аведик). При формировании патронимикальных фамилий верх взяла (как и в польских антропонимах того времени) тенденция образования фамилий по украинскому образцу на -ович, с исчезновением фамилий на -овиц, образованных по польскому образцу (тип Ильяшович, Миколаевичева вместо типа Задиковиц, Бернатовицова).

Изучение явлений антропонимической дублетности помогает определить интенсивность процессов, выразившихся в деарменизации и детюркизации, с одной стороны, и в славянизации антропонимии—с другой¹¹⁸.

Мы привели окончательные выводы наших исследований для того, чтобы показать сущность ошибки Клоусона. Так, как в славянской (украинско-польской) среде XVI—XVII вв. (т. е. в период создания и интенсивного развития поселений армян-кыпчакофонов) результаты интерференции сказались в первую очередь в области антропонимии

¹¹⁸ Другие наши наблюдения из области антропонимии армян-кыпчакофонов Украины XVI—XVII вв. см. Дашкевич Я. Р., Грыларски Э. Армяно-кыпчакские денежные документы из Львова (конец XVI в.—1657 г.). RO, 1978, t. 40, zes. 1, s. 58—59.

(о восприятии украинского или польского языков в качестве разговорного еще не могло быть речи) и привели к созданию значительного славянского антропонимического пласта, так и в более ранние времена в кыпчакской (крымскотатарской) среде XIV—XV вв. результаты интерференции привели к созданию значительного тюркского антропонимического пласта, разрушенного в дальнейшем на Украине.

Клоусон неправильно определил последовательность явлений: тюркизация антропонимии явилась вторичным процессом, так как ее славянизация в последующие столетия. Как славянская (украинская и польская) антропонимия не в состоянии доказать, как можно было бы предполагать, григорианство украинцев и поляков, влившихся будто бы в армянскую среду колоний, так и тюркская антропонимия не в состоянии доказать восприятие григорианства половцами, перемену их этнического названия на «армяне» и превращение в мнимых армяно-кыпчаков.

В действительности все было гораздо проще. Как известно, по наблюдениям из самых различных областей земного шара, антропонимия является той категорией лексики, которая очень чутко реагирует на изменения окружающего национального поля и в первую очередь подвергается языковой интерференции и конвергенции. В связи с этим этногенетические выводы, извлекаемые без учета конкретно-исторической обстановки из антропонимического материала, особенно возникшего в смешанной этнической среде, никогда не могут быть убедительные и однозначные.

IX. Этнос и этногенез

Окончательное определение понятия «этнос», относительно недавно появившегося в этнографической литературе и призванного заменить собой менее точные и разнообразно толкуемые понятия «народ», «нация», наталкивается и еще долго будет наталкиваться на различные препятствия. Независимо от теоретических споров можно согласиться с наиболее общим определением, согласно которому этнос — это совокупность людей, обладающих определенными общими характеристиками. При этом непременно подразумевается противопоставление данной совокупности людей другим подобным общностям людей. Противопоставление это базируется на антитезе «мы» — «они»¹¹⁹.

Различные авторы перечисляют многочисленные признаки этноса. Исходя из стоящей перед нами совершенно практической задачи сопоставления двух совокупностей людей — половцев и армян, мы избрали объектом нашего анализа несколько признаков, определение которых в качестве этнических не наталкивается на серьезную оппозицию. Исходя из довольно ограниченного источникового базиса (ведь

¹¹⁹ Ср. Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «ЭТНОС». — В кн.: Расы и народы. Ежегодник, М., 1971, т. 1, с. 12. Его же. Этнос и этнография. М., 1979, с. 35—39.

исследование проводится в ретроспективном плане и с учетом того, что подобное изучение до сих пор не проводилось), мы остановимся на следующих признаках: 1. антропологический облик, 2. самосознание, 3. происхождение, 4. язык, 5. религия, 6. культура, 7. формы общественной организации. (Выбирая эти этнические признаки, мы совсем не хотим сказать, что армянский или половецкий этносы можно рассматривать как механическую совокупность этих или еще других признаков; по нашим представлениям этнос—это сложная система со взаимопроникновением и разнообразными взаимоотношениями многочисленных явлений).

Анализ по всем этим параметрам осложняется, конечно, тем, что объектом изучения становится мигрирующее население, создающее свои колонии в окружении иноэтнической среды. Подобные миграции, как известно, приводят к смене биосферы и культурного ландшафта, к отбрасыванию значительной части материальной культуры, полной смене этнических связей, а также к значительным этническим сдвигам¹²⁰. Тем не менее, и в новых условиях (в данном случае—на Украине или в Венгрии) у мигрантов сохранилась и воспроизводилась значительная часть традиционных этнических свойств—свойств, несомненно, устойчивых, внешне отчетливо выраженных и играющих дифференцирующую роль в соответствии с упомянутой выше антитезой «мы»—«они».

1. Антропология

Несмотря на значительные проблемы в области палеоантропологического изучения средневекового населения Украины, нельзя сказать, что расовые признаки как армян-колонистов, так и половцев-кочевников не были объектом изучения. Основные антропологические черты как арменоидной (типичными представителями которой являются армяне), так и южносибирской или туранской (в состав которой входили половцы) «малых» рас известны по учебникам и перечислять их здесь не имеет смысла.

Краниологическое исследование остатков кочевников (торков и половцев начала второго тысячелетия по Христе) говорит о том, что их черепа были, в основном, туранского типа—брахицефальные, большие, с наклонным челом, развитыми надбровными дугами, большим лицом и средневыступающим носом¹²¹.

Краниологические данные, полученные известным польским антропологом Я. Чекановским (1882—1965) на основании материала львов-

¹²⁰ Бромлей Ю. В. К характеристике..., с. 15.

¹²¹ Дебец Г. Черепи кочовників. З розкопів В. О. Городцова в Озюмському та Бахмутському повітах.—Антропология, К., 1930, т. 3, (1929), с. 89—95. Его же. Палеоантропология СССР (=Труды Института этнографии Акад. наук СССР. Новая серия, т. 4). М.—Л., 1948, с. 261—265.

ского армянского кладбища (черепя ранее второй половины XVIII в.) — т. е. кладбища, на котором хоронили также армян-кыпчакофонов, говорят о том, что арменоидный тип составлял 42,86% популяции, нердический 28,57%¹²². Краниологические данные львовских армян находят полную аналогию в Армении¹²³. Они резко отличаются от результатов краниологического изучения как окружающего украинского населения, так и, тем более, тюркских кочевников.

К аналогичным выводам можно прийти также на основании изучения иконографического материала. Сохранившиеся довольно многочисленные портреты армян Львова, Каменца-Подольского и других колоний на Украине XVII—XVIII вв (среди которых, были конечно, также армяне-кыпчакофоны и их потомки) свидетельствуют о явном господстве арменоидного типа¹²⁴.

Облик половцев XII—XIII вв. (и других тюркских кочевников более раннего и более позднего периодов), запечатленный в сотнях т. наз. каменных баб, т. е. каменных изваяний южноукраинских степей и Крыма (несомненно обладающих портретным сходством), свидетельствует о преобладании южносибирского и даже центральноазиатского (северомонгольского) типов¹²⁵ — резко отличающихся от арменоидного.

Деятель польской реформации Ян Ласицкий (1534—после 1599), общавшийся с армянами Украины, описывал их такими словами: «Это [...] изысканные, надежные, изящные люди с красивыми чертами лица, черными бородами» (текст 1574—1580 гг.)¹²⁶. Польско-латинский поэт Себастиан Кленович (ок. 1545—1602) подчеркивал в одной из своих поэм обильность волосяного покрова армян Украины (текст 1584 г.)¹²⁷. Армянский филолог Ованнес Зограбян (Зограб, 1756—1829), посетивший Украину в 1791 г., подчеркивал, что армяне Львова и Каменца отличаются от поляков чертами лица¹²⁸.

¹²² *Czekanowski J.* Czaszki z katedry ormiańskiej we Lwowie.—Światowit, Warszawa, 1962, t. 24, s. 649—653.

¹²³ *Бунак В. В.* Crania Armenica. Исследования по антропологии Передней Азии (=Труды Антропологического научно-исследовательского института, вып. 2). М., 1927.

¹²⁴ Об армянском портрете на Украине см., например: *Овсійчук В. А.* Львівський портрет XVI—XVIII ст. Каталог виставки. Львів, лютий-березень 1965. К., 1967; Его же. Памятники українсько-вірменських мистецьких зв'язків XIII—XVIII ст.—Українське мистецтвознавство, К., 1974, вип. 6, с. 111—120; *Geborowicz M.* Portret XVI—XVIII wieku we Lwowie. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1869.

¹²⁵ Новейшая сводка изваяний: *Плетнева С.* Половецкие каменные изваяния. М., 1974. Также: *Дашкевич Я. Р., Трыярски Э.* Каменные бабы причерноморских степей. Коллекция из Аскании-Нова. Вроцлав, Варшава, Краков, Гданьск, Лодзь, 1982. О значении каменных баб для антропологических исследований см. *Алексеев В. П.* Историческая антропология. М., 1979, с. 78.

¹²⁶ *Lasicus Polonus J.* De religione Armeniorum.—In: Michalonis Lituani De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum. Basileae, 1615, с. 58.

¹²⁷ *Sulmyrcensus Acernus* [=Klonowicz] S. Roxolania. Cracoviae, 1584, с. 38.

¹²⁸ *Філікс Угобс У., Узшуарсашаррррррррррр... Ушо. II, 5шт. 2, 1802, էջ 16.*

Свой специфический арменоидный тип сохраняют потомки армян Украины вплоть до последнего времени. «В том, что наши армяне еще сегодня составляют отдельную антропологическую формацию, мог убедиться каждый профан на традиционном армянском карнавальном балу во Львове»,—отметил на основании личных впечатлений 30-х гг. XX в. Я. Чекановский¹²⁹. По нашим собственным наблюдениям, антропологические черты украинцев и поляков армянского происхождения еще в настоящее время соответствуют арменоидному типу: волнистые черные волосы, очень сильный третичный волосяной покров, смуглая кожа, темные глаза, высокое или среднее узкое лицо, резко выраженный нос с выпуклой спинкой. Среди потомков армян Украины XVI—XVII вв. имеются также потомки армян-тюркофонов. Эндогамия, характерная для армян Украины по крайней мере до середины XVIII в. (а в некоторых колониях до начала XX в.)—способствовала сохранению арменоидного антропологического типа.

Мы имели также возможность видеть потомков половцев—трансильванских кунов¹³⁰. У них преобладают—прямые тугие волосы, слабый третичный волосяной покров, узкий разрез глаз, сильно развитые скулы на высоком и широком лице, узкие бледные губы и желтоватый цвет лица,—т. е. у них несмотря на столетия проживания в окружении народов другого расового типа, сохранились черты, типичные для южносибирского и даже центральноазиатского типа.

Как палеоантропологические данные, так и наблюдения над потомками армян-тюркофонов, с одной стороны, и половцев—с другой, свидетельствуют о расовом различии обоих этносов. Не заметно никаких следов проникновения южносибирского типа в среду армян Украины.

2. Самосознание и самоназвание

Представители этноса обладают сознанием своего единства и отличия от других таких же совокупностей. Этническое самоназвание «представляет собой осознанную каждым представителем этноса, хотя и в разной мере, но тем не менее вполне определенную систему ценностей, неотъемлемое достояние этноса в целом и любого его члена в отдельности»¹³¹.

¹²⁹ *Czekanowski J. Czaszki...*, s. 619.

¹³⁰ Сведениями о потомках трансильванских кунов мы в значительной мере обязаны врачу д-ру Пожефу Червени (в антропологическом отношении—типичному представителю потомков половцев), в прошлом общественно-политическому деятелю трансильванских венгров, с которым мы постоянно общались в 1951—1954 гг.

¹³¹ *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание южных славян в VII—X вв. (К проблеме формирования раннефеодальных народностей).—В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 242.

Одним из самых важных и выраженных при внешних контактах с другими этносами проявлением самосознания является употребление общего самоназвания. Жители армянских колоний Украины всегда (до момента окончательной ассимиляции с украинцами и поляками в первой половине XIX—первой половине XX вв.—время разное для различных колоний) считали и называли себя армянами, независимо от употребляемого ими разговорного языка. Утверждение Гаркавца о том, что они «именовали себя изредка хыпчах»¹³² просто неправдивое—недаром Гаркавец не ссылается на источник, из которого он, будто бы, почерпнул эти сведения.

И отдельные члены общины в период господства у них кыпчакского языка, и общины в целом всегда подчеркивали, что являются частью армянского этноса. Армянское—а не какое-то другое—самосознание отразилось в огромной массе юридических документов, в которых после имени и фамилии упоминаемого члена общины почти всегда стоит определение «армянин». Армянское самосознание отразилось в названиях собственных социальных институтов различного уровня—в официально и неофициально употребляемых названиях ряда учреждений—административных, судебных, церковных, производственных, финансовых (армянский войт, армянский суд¹³³, армянская церковь, армянский монастырь, армянский цех, армянский банк). Во всех местах, где проживали армяне-колонисты (конечно, также кыпчакофоны), отложился заметный пласт микротопонимии, частично сохранившийся до настоящего времени (армянская улица, армянский рынок, армянский мост, армянский пруд и т. п.)¹³⁴ Как мы увидим ниже, даже армяно-кыпчакский язык сами армяне-кыпчакофоны называли при внешних контактах всегда «армянским». Нет следов хотя бы малейших антагонизмов в среде армянских колоний между армянами-кыпчакофонами и армянами-армянофонами.

Гаркавец придает какое-то особое значение употреблению самоназвания ермені в армяно-кыпчакских текстах¹³⁵. Как указывалось выше, он считает правомочным переводить слово ермені как армяно-кыпчак', армяно-кыпчакский', для чего нет никаких оснований. Какую бы фонетическую форму не принимало самоназвание в различных языках (латинском, польском, украинском, армянском, армяно-кыпчакском и т. д.), всегда оно обозначало армян и только армян.

Самоназвание половцев также отразилось в отдельных самоназваниях. На Правобережной и Западной Украине сохранилось довольно

¹³² Гаркавец А. И. Конвергенция..., с. 6.

¹³³ Примеры подобных названий см. Дашкевич Я. Р. Адміністративні, судові і фінансові книги..., с. 129—171.

¹³⁴ Ср. микротопонимию армянского происхождения, которая приводится в наших статьях L'établissement des Arméniens en Ukraine pendant les XIe—XVIIIe siècles.—REArm., N. S., 1968, t. 5, p. 329—367; Розселення вірменів на Україні в XI—XVIII ст.—Український історико-географічний збірник, К., 1971, вип. 1, с. 150—181.

¹³⁵ Гаркавец А. И. Конвергенция..., с. 6.

значительное количество топонимов (названия поселений и даже рек и гор), в основе которых лежат этнонимы «половцы», «команы» (например, села: Половцы, Половицы, Половецкая, Половецк, Куманов, Кумановцы, Кумановка, Команов, Команча). Это местности на территории Галицко-волинского королевства, в которых, по-видимому, осели остатки половцев после их разгрома монголо-татарами. В самоназвании половцев Венгрии—кун—также отразился этноним, «команы».

До сих пор не было найдено ни одного свидетельства того, что половцы на Украине и в Крыму переменили свое самоназвание на «армяне», т. е. что в их этническом самосознании вдруг наступил какой-то кардинальный и катастрофический перелом, вынудивший половцев принять название «армяне». Объективные данные свидетельствуют о том, что даже тогда, когда осуществилась интеграция армян с украинским и польским этносами, а половцев—с венгерским, в памяти потомков этих изолятов прочно зафиксировались воспоминания о своем армянском или же половецком происхождении.

3. Общность происхождения

Наряду с самоназванием важнейшим компонентом самосознания является представление об общности происхождения. В случае с армянами Украины субъективное представление мигрантов о своем общем происхождении контролируется объективными данными, т. е. совершенно конкретными сведениями о происхождении многих членов общин, которые мигрировали на Украину как из закавказской Армении, так и с других скоплений в пределах армянской диаспоры.

Убеждение в общности происхождения, конечно, нашло свое главное выражение в употреблении на Украине самоназвания «армяне», т. е. в манифестации принадлежности к большой этнической общности, обладающей многовековой историей, и в представлении об общности происхождения из народа, известного как в Азии, так и в Европе под названием «армяне».

Представления армян Украины об их армянском—но не другом—происхождении, сведения об их постоянных духовных связях с закавказской Арменией отразились в значительной посвященной им литературе¹³⁶. В этом плане можно привести высказывание французского миссионера Л.—М. Пиду де Сент-Олон (1637—1717), который писал, что армяне прибыли на Русь из Татарии, куда эмигрировали из местностей вокруг Ани и Карса (текст 1669 г.)¹³⁷.

Убеждение в общем армянском происхождении отразилось в преданиях, курсировавших в среде самих экспатриантов. Они выражались в представлении о происхождении непосредственно от выход-

¹³⁶ См. Дашкевич Я. Р. Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков. (Историографический очерк). Ереван, 1962.

¹³⁷ *Zródła dziejowe*, t. 2. 1876, s. 12.

цев из разоренной турками-сельджуками древней столицы Ани. Предание вошло, хотя бы в упоминаемый выше колофон 1690 г., созданный Давидом Кримеци. В нем говорится: «Мы являемся потомками Пахлавуни из большого города и королевской столицы Ани»¹³⁸. Под впечатлением предания оказался армянский языковед и историк Минас Бжшкянц (1777—1851), озаглавивший свое описание колоний (созданное в 1820 г.): «Путешествие по Польше и других странах, в которых проживают армяне, происходящие от жителей старинного города Ани»¹³⁹. Общность происхождения нашла отражение в литературе на армянскую тематику, создаваемой львовскими армянами в середине XVIII в.,—например, в сочинениях Гавриила-Андрея Каспаровича (1717—1785) и Антона Глушкевича (ум. 1769)¹⁴⁰.

Представление об общности происхождения нашло яркое выражение в религиозной оболочке. Во всех колофонах армянских рукописей, создаваемых или переписываемых на Украине, в Крыму в XIV—XVII вв., хронология обозначена в соответствии с армянской эрой (с перечислением или без перечисления на эру от рождения Христа), в большинстве колофонов отмечается имя актуального эчмиадзинского католикоса, что, несомненно, должно было подчеркнуть чувство единения с закавказской метрополией.

Никаких следов традиции происхождения хотя бы части армян Украины от номадизирующих половцев до сих пор не обнаружено.

4. Язык

О том, что ни один из элементов этноса, воспринятый отдельно, вне целостной системы этноса, не является непременным, дифференцирующим этническим признаком, известно в науке давно. Таким непременным признаком отдельного этноса не является отдельный язык, как мы это видим хотя бы и на примере армян Украины. Язык и этнос не всегда тождественны. Армяне Украины на протяжении многовековой этнической истории употребляли синхронно или диахронно несколько языков, практически являлись всегда, по крайней мере, билингвами. Наряду с армянским языком-грабаром (языком религии, частично -письменности) и ашхарабаром (разговорным народным языком), армяне употребляли армяно-кыпчакский (армяно-татарский), польский, украинский—т. е. языки окружавшего населения, языки, являвшиеся для армян контактными, в дальнейшем разговорными. В этом нет ничего экстраординарного. Можно привести много аналогичных примеров из этнической истории других народов.

¹³⁸ *Cazacu M., Kévonian K. La chute...*, p. 515.

¹³⁹ *Բժշկեանց Մ., ճանապարհորդութիւն 'ի Հնչաւտան, և յալլ կողմանս բնակեալս 'ի հաշիպղանց 'ի նախնեաց Անի քաղաքին, Վենետիկ, 1830:*

¹⁴⁰ *Dachkévyeh Ya., Les historiens arméniens en Uklaine au XVIIIe siècle. REArm., N. S. 1972, t. 9, p. 412—414.*

«И если бы, скажем,—по меткому замечанию Ю. В. Бромлея,—язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различие этих понятий потеряло бы смысл»¹⁴¹.

Мы склонны считать, что именно высокий уровень этнического самосознания препятствовал созданию татароязычной письменности на армянской графической основе в Крыму, в Поволжье, в Приднестровье—т. е. там, где был усвоен татарский язык в качестве разговорного. Механизм этого явления в деталях не ясный, но непреложным фактом является то, что письменность на армяно-кыпчакском языке возникла только на территории Украины, где армяне-кыпчакфоны очутились в положении лингвистических изолятов. Употребление армяно-кыпчакского письменного языка в Крыму могло расцениваться и, несомненно, расценивалось бы как значительная ассимиляционная уступка по отношению к окружающему татарскому населению, как зафиксированный письменно признак уничтожения лингвистического барьера между татарами и армянами (хотя в разговорном языке этот барьер и был уничтожен). На Украине, в условиях совершенно другого славянского языкового окружения, лингвистический барьер сохранялся (хотя это и был барьер между славянскими и тюркским, а не между славянскими и армянским языками), а создание письменности на армяно-кыпчакском языке не могло уже расцениваться как серьезный удар по национальному самосознанию и уступка тюркскому ассимиляционному давлению. Армяно-кыпчакская письменная литература, как мы подчеркивали уже выше, возникла только на Украине.

Соотношение между базовой и периферической лексикой, на чем строили свои этногенетические выводы Клоусон и Гаркавец, не играло в данном случае, никакой роли. Проникновение в армяно-кыпчакский язык, вслед за армянской периферической лексикой, также украинский и польский (и, через их посредничество, еще латинской и немецкой) имело глубокие последствия для языка, толкало его к интерференции и конвергенции, а в дальнейшем—к очередной языковой ассимиляции (восприятию польского и украинского языков в качестве разговорного с одновременным отмиранием армяно-кыпчакского языка). Но это было явление социолингвистического, но не этногенетического порядка. Если бы из восприятия армянами (кыпчакскими и арменофонами) славянских языков мы попытались делать какие-нибудь этногенетические выводы в духе Клоусона-Гаркавца, они получились бы явно анекдотического свойства: нужно было бы предположить, что значительное количество украинцев и поляков влилось в ряды армян-эспатриантов...

В нашем распоряжении имеется очень любопытное свидетельство

¹⁴¹ Бромлей Ю. В. К характеристике..., с. 27. Сравни также общетеоретические рассуждения в сборнике *Ethnolinguistique. Contributions théoriques et méthodologiques*. Ed. Alvarez-Pereyre A. Leuven, 1981.

1	2	3	4	5
1581	Инвентарная опись 1579 г.	Армянский говор р (id omate Armenico)	т. 514, с. 678	ЦГИА УССР в Киеве, ф. 39, оп. 1, т. 11
1602	завещание 1571 г.	"	т. 517, с. 250	Библиотека мхитаристов, Вена, № 441
1607	свадебный договор 1595 г.	армянский	т. 519, с. 03	"
1608	" 1601 г.	по армянски	т. 519, с. 626	"
1611	" 1601/2 г.	"	т. 520, с. 623	"
1612	" 1589 г.	"	т. 520, с. 563	"
1612	" 1607	"	т. 520, с. 551	"
1616	завещание 1615 г.	армянский язык	т. 521, с. 7	" ¹⁴²
1616	свадебный договор 1572 г.	армянский	т. 521, с. 122	"
1616	" 1595 г.	армянский язык	т. 521, с. 125	"
1618	долговое обязательство 1615 г.	армянский	т. 521, с. 969, 971, 972	ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 89, л. 22 ¹⁴³
1618	свадебный договор 1595 г.	армянский говор	т. 521, с. 978	Библиотека мхитарство, Вена, № 141
1619	завещание 1619 г.	армянский	т. 521, с. 152	"
1620	долговое обязательство 1609 г.	по-армянски	т. 521, с. 1594	ЦГИА УССР во Львове ф. 52, оп. 1, д. 887, л. 15 ¹⁴⁴
1621	свадебный договор 1599 г.	армянский говор	т. 522, с. 37	Библиотека мхитаристов, Вена, № 141
163	завещание 1622 г.	"	т. 522, с. 342	"
1632	" 1631 г.	"	т. 523, с. 1557	" Венеция, № 1788
1633	свадебный договор, без года	армянский	т. 524, с. 76	"
1636	" 1636 г.	армянский говор	т. 524, с. 545	ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 545, с. 57-859 ¹⁴⁵
1638	" 1609 г.	армянский яз. к	т. 545, с. 564	"
1638	инвентарная опись 1638 г.	по армянски	т. 525, с. 252	Библиотека мхитари тов, Венеция, № 1788

¹⁴² Документ опубликован в кн.: *Schütz E. Armeno-Kipitschakische Ehekontrakte und Testamente. Acta Orientalia Hung., Budapest, 1971, t. 24, fasc. 3, s. 274-275.*

¹⁴³ Документ опубликован в кн.: *Дашкевич Я. Р., Трыярски Э. Армянокыпчацкие долговые обязательства из Эдирне (1609 г.) и Львова (1615 г.)* — *RO, 1974, t. 37, zes. 1, с. 48.*

¹⁴⁴ Документ опубликован там же, с. 50.

¹⁴⁵ Документ опубликован в: *Дашкевич Я. Р., Трыярски Э. Армянокыпчацкие предбрачные договоры из Львова (1598-1638 гг.)*. — *RO, 1970, t. 33, zes. 2, с. 73-75.*

того, что сами армяне-кыпчакофоны, исходя именно из высокого уровня армянского этнического самосознания, выдавали свой разговорный армяно-кыпчакский язык за армянский. Во Львове начиная с 1521 г. вся документация армянской общины, включая книги духовного суда, велась на армяно-кыпчакском языке. Из этих книг выдавались заинтересованным лицам заверенные выписи документов на армяно-кыпчакском языке вместе с переводом их на польский. Выписки эти, а также отдельные частные документы на армяно-кыпчакском языке представлялись в различные административно-судебные учреждения Львова, в первую очередь в Армянский суд (т. е. польский суд для армян). При этом армянская сторона сообщала, на каком языке составлен оригинальный документ. Эти данные писарь суда (не армянин, а поляк) иногда записывал в книгу суда. Как правило, армяне-кыпчакофоны указывали, что выписи изготовлены на армянском языке. Нами отобраны более 20 подобных случаев. Определение «армянский язык» из судебной книги проконтролировано нами сравнением с сохранившимися соответствующими оригинальными документами. Все они оказались составленными не на армянском, а на армяно-кыпчакском языке. Четыре из мнимых «армянских» документов опубликованы.

Изучение архивных материалов привело к результатам, изложенным в таблице.

Объяснение к таблице: 1. Год записи в судебной книге Армянского суда во Львове; 2. Вид и год составления документа на армяно-кыпчакском языке; 3. Название языка документа согласно записи в книге Армянского суда; 4. Ссылка на источник—книгу Армянского суда, хранимую в Центральном государственном историческом архиве Украинской ССР во Львове, фонд № 52, опись 2 (указываются том и страницы, на которых упоминается название языка); 5. Место хранения подлинника на армяно-кыпчакском языке.

Не было найдено ни одного случая, чтобы в судебной книге указывался настоящий (татарский, кыпчакский) язык, на котором написаны документы.

Конечно, сами армяне-кыпчакофоны при общении с армянами в пределах своих общин не пытались выдавать армяно-кыпчакский язык за армянский (это было просто невозможно). Для названия языка употреблялись в XVI—XVII вв. два термина—татарский или кыпчакский, оба соответствующие действительности¹⁴⁶.

Нет однако, никаких оснований для того, чтобы с этими самоназваниями языка связывать какие-либо этногенетические гипотезы. История присвоения кыпчакского (татарского) языка армянами

¹⁴⁶ Случаи употребления этих названий приводятся нами в статье «Армяно-кыпчакский язык XV—XVII вв. в освещении современников. (Об использовании экстралингвистических данных для истории тюркских языков)». Вопрос языкознания. М., 1981, № 5, с. 79—92

на территориях, где господствовал тюркский язык, изложена нами выше,—она не оставляет места для возникновения серьезных этногенетических построений с неармянскими этническими истоками.

5. Религия

История распространения христианства среди армян известна хорошо,—прошлое армянской церкви на Украине и в Польше также изучено довольно подробно¹⁴⁷. Более углубленное изучение духовной культуры армян Украины, несомненно, может привести к открытию различных культовых особенностей, вполне однако укладывающихся в комплекс религиозных верований армяно-григорианской церкви¹⁴⁸. Несомненно, армяне XVI—XVII вв. были, кроме всего, суеверными людьми, но суеверия эти (например, мистическая вера в чудеса¹⁴⁹) вполне соответствуют психическому складу жителей городов этого периода и не носят, пожалуй, специфически армянских черт. В них нельзя также открыть какие-либо реликты номадизма в прошлом.

Армяно-григорианская религия в XVI—XVII вв. накладывала на своих приверженцев совершенно отчетливый национальный отпечаток. Переход в другую религию (для верхушки колоний подобную притягательную силу имело римское католичество как религия господствующего класса Польши) являлся практически денационализацией—к чему он и действительно приводил¹⁵⁰.

Армянские колонии на Украине дважды были ареной ожесточенной религиозной борьбы: в 70-х гг. XIV в., когда киевские армяне изгнали пролатинского епископа Якова и его приверженцев, что привело к победе антиуниатов, но и к ликвидации киевской армянской епископской кафедры¹⁵¹, и в 30-70-х гг. XVII в., когда под давлением католического духовенства, польского патрициата и правящих кругов Польши в армянских колониях Украины была реализована уния армяно-григоринской церкви с Римом¹⁵².

¹⁴⁷ *Petrowicz G.* La chiesa Armena in Polonia, p. 1 (1350—1624). Roma, 1971. Арм. перевод: Պարոմիշ Գ., Հայ հիդրոկրիտիկ հասարակական ժողովուրդ, Վրեննա, 1980:

¹⁴⁸ На наличие подобных особенностей («ошибок»—в представлении католической церкви) указывал Л.—М. Пиду де Сент-Олон; см. *Zróżna dziejowe*, t. 2, s. 7—12, 122—129.

¹⁴⁹ О составлении в среде армянских колоний особых книг для записи чудес см. *Dachkévytch Ya.* Les historiens arméniens... p. 410—412.

¹⁵⁰ Ср. примеры, приведенные нами в статье „Armenians in the Ukraine at the time of Hetman Bohdan Xmel'nyj (1648—1657)“.—HUS, Cambridge, Mass., 1979—1980, vol. 3—4, part. 1, p. 173—175.

¹⁵¹ *Dachkévytch Ya.* Les Arméniens à Kiev (de la deuxième moitié du XIIIe au XVIIe siècle).—Études arméniennes en souvenir de Hagj Berberian. Paris, 1983.

¹⁵² *Petrowicz G.* L'Unione degli Armeni di Polonia con la Santa Sede (1626—1686). Roma, 1950. Мы указывали на тенденциозность этой работы в рецензии, напечатанной в REArm., N. S., 1964, t. 1, p. 462—466.

Конфликтные ситуации на религиозной почве, возникавшие в армянских колониях, ни разу не привели к обнаружению пережитков каких-либо примитивных верований вроде шаманизма, который исповедали половцы. Не привели также к противопоставлению армян-кыпчакофонов армянам-арменофонам. С другой стороны, ведь известно, что христианизация половцев в Венгрии неоднократно в XIII—XV вв. приводила к обострениям на религиозной почве именно в связи с сохранением пережитков шаманизма среди половцев.

Изучение религиозной жизни армян Украины, Крыма, Польши убедительно свидетельствует об отсутствии реликтов первобытного шаманизма.

6. Духовная и материальная культура

Как духовная, так и материальная культура армян Украины типична для городского населения,—конечно, со своеобразными восточными элементами, являющимися определенным отражением жизни и быта населения восточных городов, т. е. городов Малой Азии, Закавказья, Крыма. Пристрастие к восточной роскоши, типичное для верхушки колоний, восточные одежды, восточное убранство квартир, восточная утварь, специфическая армянская кухня и т. п. постепенно все теснее переплетались с проявлениями местной украинской и польской, а также западной культуры, ярко проявившимися, например, в некоторых областях армянской духовной культуры. Армянское зодчество, живопись на Украине рано потеряли специфические восточно-христианские черты, но их на длительное время сохранили некоторые ответвления декоративно-прикладного искусства (книжная иллюстрация, каменная резьба¹⁵³). Изучение всех этих явлений, которое, по существу, не проводилось¹⁵⁴ или проводилось с предвзятых представлений об армянах как пропагандистах искусства ислама¹⁵⁵, отстает от нужного уровня. Проблема осложняется также тем, что значительная часть Украины и Польши в XV—XVII вв. сама по себе входила в зону интенсивного влияния переднеазиатской материальной культуры. Независимо от этого можно сказать, что как в духовной, так и в материальной культуре армян до сих пор никаких следов быта кочевников обнаружено не было.

¹⁵³ Дашкевич Я. Р. Армянские рельефные кресты Львова и Каменца-Подольского XIV—XVII вв.—*ФФ*, 1980, № 3, с. 125—145.

¹⁵⁴ Кроме искусства. Ср., в частности, *Mankowski T. Sztuka Ormian lwowskich. Kraków, 1934.* Также: Дашкевич Я. Р. Неизвестные памятники армянского зодчества на Украине (XIII—XVII вв.).—В кн.: V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. Ереван, 12—16 октября 1982 г. Ереван, 1982, с. 66—67, 305—306.

¹⁵⁵ См. нашу рецензию на книгу *Mankowski T., Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław, Kraków, 1959, опубл. в REArm., N. S., 1965, t. 2, p. 434—444.*

Показательной можно считать профессиональную структуру экспатриантов. Для армян Крыма и Украины характерно занятие купечеством (как международной, т. е., по существу, межконтинентальной, так и местной торговлей) торговлей специфическими «армянскими товарами»¹⁵⁶, различными ремеслами (ювелирное, вышивальное, оружейное, скорняжное, камнерезное, мыловаренное и др.), садоводством. Нет следов того, чтобы армяне занимались скотоводством—столь характерным для номадизировавших половцев, сохранявших, кстати, это занятие на протяжении столетий как в Трансильвании, так и на паннонской степной равнине (в пределах Большой и Малой Кумании).

Если хотя бы на момент принять в качестве рабочей гипотезы теорию о половецком этническом субстрате армян Украины, невозможно представить себе, чтоб та жесткая психическая ломка, которая на протяжении очень ограниченного отрезка времени должна была привести к смещению этнической доминанты (кочевничество → оседлость), не оставила следов как в духовной, так и в материальной культуре).

7. Формы общественной организации

Не подлежит сомнению, что два резко отличные типа обществ—кочевое и оседлое—создавали два резко несхожие типа общественной организации. Кочевое общество с господствующими в нем родоплеменными взаимосвязями, с большим трудом приравнивалось к прокрустову ложу западных форм общественной организации, к которым им пришлось с трудом и не без конфликтов адаптироваться в феодальной Венгрии.

Армяне Украины принесли с собой готовые формы общественной организации, характерной для населения городов, или же без особых трудностей приравнивались к существовавшим в городах Украины формам общественной организации. Армяне принесли с собой свое право (судебник Мхитара Гоша), подвергшееся определенной модификации в соответствии с господствовавшим на Украине местным древнерусским кодифицированным и украинским обычным правом, а также с немецким городским (магдебургским) правом. Структура полуавтономной, более или менее ограниченной (в зависимости от условий в отдельных колониях) административно-судебной системы, базировавшейся на модифицированном армянском праве, не противоречила обычаям людей, привыкших к городской жизни. Армяне принесли с собой организацию молодежных братств удальцов¹⁵⁷, эволюционировавших на Украине в сторону распространен-

¹⁵⁶ *Dachkévytch Ya.* Les marchandises arméniennes en Ukraine, Pologne et Lituanie au XVIIe siècle.—*REArm.*, N. S. 1981, t. 15, p. 341—354.

¹⁵⁷ *Григорян В. Р.* К вопросу о «братствах удальцов» в армянских колониях Западной Украины.—В кн.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. [т. 2]. К., 1965, с. 128—136. Его же. *Յազնովեց քաղաքի հայկախոն*

ных, особенно среди украинского населения, церковных братств с собственными ссудными кассами-ломбардами (братскими банками). Господствовавшая в городах Украины цеховая организация не являлась чуждой для армян, знакомых с регламентацией ремесленного производства в ближневосточных городах.

Церковная организационная структура (парафии, епископства, монастыри), при которой светский элемент (местные феодалы и, особенно, богатый патрициат) играл даже главенствующую роль (что было характерно для украинской православной церкви), отодвигая на второй план власть духовенства, также была привычной для армян, независимо от того, говорили ли они на армянском или на кыпчакском языках. До сих пор не было найдено никаких следов существования в среде армянских колоний реликтов родо-племенной структуры кочевого общества.

* * *

Итог произведенной нами «проверки» этнических показателей по нескольким важнейшим параметрам приводит к однозначному выводу. С точки зрения антропологии, этнического самосознания, происхождения, религии, духовной и материальной культуры, форм общественной организации армяне-тюркофоны являлись органической частью армянского этноса.

Сравнение армян (кыпчакофонов) и половцев свидетельствует о существовании двух различных этнических доминант. Отсутствуют хотя бы малейшие следы осуществившейся, будто бы, психической ломки, вследствие которой часть номадов-половцев должна была превратиться в горожан (жителей городов), армян-кыпчакофонов. Социолингвистические данные—тот ошеломляющий факт, что армяно-кыпчакский язык официально считался армянским—свидетельствуют только о том, что этнические связи внутри одного, единого этноса—армянского, явились гораздо более сильными, фактически определяющими, чем языковые различия. Лингвистическое сходство армян-кыпчакофонов и половцев или (что более близко исторической правде) крымских татар не является никаким этногенетическим признаком.

Попытка различными, далекими от фактов рассуждениями обосновать мнимое существование этногенетических процессов, в результате которых часть половцев превратилась в армян, не имеет под собой никакой реальной почвы.

Не было никаких этногенетических процессов. Был только этап в этнической истории части армян Крыма и Украины—эпизод, для которого характерным был переход части армян на кыпчакский язык.

X. Несколько слов о методике

Изучение источников говорит о том, что гипотеза о мнимом существовании армяно-кыпчаков не выдерживает критики. Источниковая база этой гипотезы равна нулю. Утверждения Гаркавца, для поддержки которых он фальсифицировал данные источников (в которых, будто бы, зафиксировано самоназвание «кыпчаки», употребляемое армянами-кыпчакофонами, и, будто бы, засвидетельствовано употребление названий «армяно-кыпчаки», «армяно-половцы» в качестве этнонима или в качестве составной части названий различных общественных инструментов армян Украины и т. п.), игнорировал обширную литературу вопроса или же давал заведомо неправдивые ссылки на отдельные авторитеты,—сами по себе компрометируют выдвигаемую гипотезу.

Замалчивание работ предшественников, стоявших на точке зрения армянского этноса армян-кыпчакофонов, фальсификация переводов армяно-кыпчакских текстов, популяризация беспочвенных выдумок в качестве проверенных фактов—совершенно явные проявления «метода», который может вызвать только осуждения. Погоня за дешевой сенсацией, продиктованная ненаучными соображениями, попытка изобрести этногенез выдуманных «армяно-кыпчаков»—этногенез, для которого никогда не было реальной почвы, накладывают негативный отпечаток на публикациях Гаркавца. Научное творчество создателя гипотезы свелось к примитивному приему—образованию от вошедшего в научный обиход названия языка «армяно-кыпчакский язык»—названия несуществующего народа армяно-кыпчаков. Научную ценность подобного открытия можно приравнять к попытке создать название этноса от названия языка суахили.

К чести современной тюркологии, необходимо признать, что это этногенетическое «творчество» не нашло почти никакой поддержки. Мы встретили всего несколько случаев употребления термина «армяно-кыпчаки» в научной литературе—употребления, произведенного более по инерции (которая сама по себе, правда, может настораживать), чем из глубокого убеждения в правомерности существования новосозданного этнонима.

В свое время Э. И. Фазылов в хроникерской заметке упоминал «язык армянских кыпчаков, проживавших на территории Польши»¹⁵⁸. И. И. Абдуллин сначала только сигнализировал существование гипотезы Клоусона,¹⁵⁹ а в дальнейшем осторожно писал о том, что дальнейшие исследования «будут способствовать прояснению этногенеза

¹⁵⁸ Фазылов Э. И. Первый тюркологический съезд в Анкаре.—Советская тюркология. Баку 1973, № 1, с. 132.

¹⁵⁹ Абдуллин И. И. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка.—Материалы по татарской диалектологии, т. 3, Казань, 1974, с. 169.

армяно-кыпчаков»¹⁶⁰. По существу, только польский тюрколог, караим по национальности, З. Абрагамович выступил как приверженец теории Клоусона-Гаркавца (по-видимому, здесь сыграл свою роль ненаучный момент: Клоусон, излагая свою теорию, привел, как параллель, пример караимов, библистов по религии и тюркофонов по языку, считая их тюрками по расовому составу). З. Абрагамович писал, что об армяно-кыпчакофонах «утверждают сейчас, по-видимому правильно, что это часть кыпчаков, обращенных, однако, в христианство армянского обряда»¹⁶¹. Так или иначе все эти, по существу, случайные, высказывания нельзя считать поддержкой гипотезы об армяно-кыпчаках. Гораздо больший вес, несомненно, имеет полное замалчивание злополучной гипотезы в современных синтетических тюркологических работах. Т. М. Гарипов, например, пишет всего только о «памятниках тюркоязычных армян XV—XVII вв.»¹⁶² игнорируя новоизобретенную этническую терминологию.

На сегодняшнем этапе изучения кыпчакского языка армян Украины на первый план выдвигается задача тщательного анализа языка в сравнении с языком Codex Cumanicus'a, а также ранних письменных памятников языка крымских татар и караимов. Этот путь сулит настоящие научные открытия, он, несомненно, расширит наши представления об истории кыпчакских языков.

Конечно, можно и в дальнейшем заселять страницы писаний мифическими армяно-кыпчаками, но нужно наконец осознать и то, что таким образом совершенно невозможно заселить ими города Украины XVI—XVII вв.

Յ. Ռ. ԳԱՇԿԵՎԻՉ (Լվով)

ՈՎՔԵՐ ԵՆ «ՀԱՅ-ՂՓՁԱՂՆԵՐԸ». XVI—XVII ԳԴ. ՀԱՅԱՍՏԱՌ-ՂՓՁԱՂՆԵՐԵՆ ՉԵՌԱԳՐԵՐ ՍՏԵՂԾՈՂՆԵՐԻ ԱԶԳՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

Ս. մ փ ո փ ու լ մ

Ուկրաինայի և Լեհաստանի հայերի ձեռագիր ժառանգության մեջ նշանակալի տեղ են զբաղում հայատառ-ղփղաղերենով գրված նյութերը: Այդ լեզվով պահպանված ձեռագիր հուշարձանների ուսումնասիրությունը լեզվաբանների և պատմաբանների կողմից ունի շուրջ 200 տարվա պատմություն: Ներկա դարի 70-ական թվականներին լեզվաբաններ Ա. Գարկավեցը

¹⁶⁰ Его же. Актуальные проблемы армяно-кыпчаковедения.—В кн.: Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978, с. 44.

¹⁶¹ Abrahamowicz Z. Rec. na: Reychman J. Historia Turcji. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdań k. 1973.—Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1976, Nr. 3, s. 657.

¹⁶² Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синтетической и диахронической характеристики. М., 1979, с. 14.

և Ջ. Կլոուսոնը առաջ են բաշել մի հիպոթեզ, ըստ որի հուշարձանների ստեղծողները ոչ թե ղփչաղախոս հայերն էին, այլ հայերի կողմից բրիստոնյա դարձված ղփչաղները (սյուլվյինները): Այդ կապակցությամբ Ա. Ն. Գարկավեցը իր բազմաթիվ աշխատություններում հետևողականորեն օգտագործում է իր հնարած «Հայ-ղփչաղներ» տերմինը: XVI—XVII դդ. սկզբնադրյունների մանրազնին քննությունը ցույց է տալիս, որ թե՛ Ջ. Կլոուսոնի և թե՛ Ա. Գարկավեցի դատողությունները լիովին կտրված են սկզբնադրյուններից, որոնց մեջ ամենևին չեն հիշատակված «հայ-ղփչաղները»: Այդուհանդերձ, վերջին ժամանակներս այդ հիպոթեզը ներկայացվում է որպես ապացուցված փաստ: Այսպես, Ա. Գարկավեցը առանց հիմնավորման գրում է, որ այդ ղփչաղները հայերի կողմից բրիստոնեության են բերվել X դարում (նա նույնիսկ նշում է որոշակի թվական՝ 965): Սկզբնադրյուններից բերված քաղվածքներում ամենուրեք նա հայ կամ հայեր բառերը դարձնում է հայ-ղփչաղ կամ հայ-ղփչաղներ:

Հենվելով սահմանված բազմաթիվ սկզբնադրյունների վրա, հեղինակը ցույց է տալիս, որ «Հայ-ղփչաղների» մասին Ջ. Կլոուսոնի և Ա. Գարկավեցի հիպոթեզը հնարովի, կեղծիքների վրա խարսխված տեսություն է, որը չի կարող դիմանալ որևէ քննադատության: XV—XVII դդ. բազմաթիվ հեղինակներ, որոնք գրել են լեհահայ գաղութներում եղած լեզվական կացության վերաբերյալ, վկայում են, որ երկար տարիներ Ղրիմում ապրելով ղփչաղների մեջ, հայերը սովորել էին նրանց լեզուն և Ուկրաինա գաղթելուց հետո շարունակում էին խոսել ղփչաղերեն: Սկսած XVI դ. 20—30-ական թվականներից այդ լեզվի համար օգտագործելով հայերեն տառերը, նրանք ստեղծեցին բազմաժանր գրականություն: Ղփչաղախոս հայերի հետ միասին այդ գաղութներում ապրում էին հայախոս, իսկ հետագայում լեհախոս հայեր, որոնք բոլորը միևնույն՝ հայկական համայնքի անդամներ էին:

Հոգվածում հանգամանորեն քննարկված են վերոհիշյալ հարցերը. բազմաթիվ փաստերով ցույց է տրվում, որ ոչ մի հիմք չկա խոսելու իրականության մեջ գոյություն չունեցած «հայ-ղփչաղների» մասին, իսկ ինչ վերաբերում է հայատառ-ղփչաղերեն գրված նյութերին, ապա դրանք իրավամբ համարվում են հայ ժողովրդի կուլտուրական ժառանգությունը:

Y. R. DACHKEVITCH (Lvov)

QUI SONT LES „ARMENIENS—KIPTCHAKS“: DE LA NATIONALITE DES REDACTEURS DES MANUSCRITS KIPTCHAKS ECRITS EN LETTRES ARMENIENNES AUX XVIe—XVIIe SIECLES

R é s u m é

Les documents en langue kiptchak écrits en lettres arméniennes occupent une place importante dans l'héritage manuscrit des Arméniens d'Ukraine et de Pologne. Depuis deux cents ans environ, les linguistes et les historiens poursuivent l'étude des manuscrits qui nous sont parvenus dans cette langue. Aux années 1970, les linguistes A. Garkavets et G. Clauson avancèrent une hypothèse, selon laquelle les auteurs de ces

manuscripts furent non pas des Arméniens parlant kiptchak, mais des Kiptchaks (des Polovets) christianisés par les Arméniens. A. Garkavets emploie avec beaucoup d'esprit de suite dans ses nombreux ouvrages le terme „Arméniens—Kiptchaks“ de son invention. L'étude minutieuse des manuscrits des XVIe—XVIIe ss. montre que les Jugements de G. Clauson et de A. Garkavets sont absolument sans rapport avec les sources dont aucune ne mentionne des „Arméniens—Kip'chaks“. Néanmoins, ces derniers temps, A. Garkavets présente son hypothèse comme un fait prouvé. Ainsi, il écrit sans preuve aucune que ces Kiptchaks furent christianisés par les Arméniens au Xe siècle (il mentionne même une date exacte: 965). Dans les citations prises aux sources, il remplace partout les noms „Arménien“ ou „Arméniens“ par „Arménien—Kiptchak“ ou „Arméniens—Kiptchaks“.

En se basant sur de nombreuses sources, l'auteur de l'article montre que l'hypothèse de Clauson et de Garkavets sur les „Arméniens—Kiptchaks“ est une pure invention, une théorie basée sur des falsifications, qui ne résiste pas à la moindre critique. De nombreux auteurs des XVe—XVIIe ss., en parlant de la réalité linguistique des communautés arméno-polonaises, témoignent qu'ayant vécu de longues années en Crimée parmi les Kiptchaks, les Arméniens avaient appris leur langue qu'ils continuaient à parler après avoir émigré en Ukraine. A partir des années 1620—1630, employant les lettres arméniennes pour écrire cette langue, ils créèrent une littérature de divers genres. A côté des Arméniens parlant kiptchak, ces communautés comportaient des Arméniens parlant leur langue natale et, par la suite, d'autres parlant polonais, qui étaient tous membres de la même communauté.

L'article examine minutieusement les questions susmentionnées; à l'appui de nombreux faits, il montre qu'il n'y a aucune raison de parler d' „Arméniens-Kiptchaks“ n'ayant pas réellement existé. Quant aux documents en langue kiptchak écrits en lettres arméniennes, ils font légitimement partie du patrimoine culturel du peuple arménien.